

П Р И Б А В Л Е Н И Е

къ

ДУХОВНОМУ ВѢСТНИКУ

ГРУЗИНСКАГО ЭКЗАРХАТА.

15-го марта

№ 6-й

1903 года.

Б Е С ъ Д А

въ семинарскомъ храмѣ послѣ воскресной вечерни
въ недѣлю Православія.

Нынѣ за Божественной литургіей вы слышали чтеніе „Дѣянiя“ Святѣйшаго Синода относительно сопричисленiя къ лику святыхъ блаженнаго Серафима, старца Саровскаго. Отъ этого сопричтенiя не прибавится и не убавится богоугодности блаженнаго старца, но обнаруживается наше собственное религіозно-нравственное состояніе, — единство вѣры въ проявленіе Божественной помощи намъ чрезъ угодника Божiя. И отраднo видѣть, что среди этого единства благочестивой вѣры сіяетъ яркой звѣздой вѣра царская; еще же утѣшительнѣе сознавать: „сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая, православная, сія вѣра вселенную утверди“, — *вѣра наша*, нами исповѣдуемая, *нашей церкви*, ею проповѣдуемая.

Возбужденіе религіозно-нравственнаго интереса среди свѣтскаго общества, напряженное усиліе разобраться въ вопросахъ вѣры и жизни должно признать одной изъ характернѣйшихъ чертъ нашего времени. И если однихъ эти вопросы приводятъ къ болѣе тѣсному общенiю съ Церковью Христовою, то другихъ, недовольныхъ современнымъ религіозно-нравственнымъ строемъ и полагающихся на свои собственныя умственныя и нравственныя силы, только разобщаютъ съ нею. Отсюда-то невѣріе, разновѣріе, обиліе религіозныхъ сектъ въ современномъ обществѣ. Наблюдая это явленіе, иные истинные

сыны церкви приходятъ въ уныніе и отчаяніе, готовы видѣть конецъ православію, даже наступленіе послѣднихъ временъ. Но времена и сроки во власти Божіей, а Слово Божіе оставило намъ на вѣки утѣшительное обѣщаніе, что церкви православной и врата ада не одолѣютъ. Быть или не быть для нея не составляетъ вопроса. Подтвержденіе этому видимъ во всей исторіи христіанства, да и въ настоящее время можно видѣть. Сколько было нападеній и внутреннихъ, и внѣшнихъ на христіанство, сколько лжеименный разумъ возставалъ на Разумъ Божій?—и не перечесть! Но всякій разъ оправдывались слова Спасителя гонителю церкви Савлу: „трудно итти тебѣ противъ рожа“. Внѣ Церкви Христовой, безъ правой вѣры ея вся жизнь наша представляется пустой и глупой шуткой. Безсознательно, помимо своего желанія, убѣждаетъ въ этомъ своихъ читателей модный и особенно любимый пока современный намъ писатель беллетристъ (Горькій). Отвергнувшіе церковь, на всѣхъ и на все плюющіе герои его хотятъ сами опредѣлить цѣль своего бытія на землѣ, силятся сдѣлаться лучшими однѣми своими силами. Но у всѣхъ нихъ одинъ исходъ: безотчетная тоска и отсюда душевныя страданія,—безнадежный пессимизмъ и отсюда трагическій вопросъ: стоитъ ли жить? Въ тоже время для внимательнаго читателя ясно, что всѣ они погибаютъ отъ своего эгоизма, предубѣжденія противъ всякой вѣры религіозной. И вотъ чувствуется уже съ отрадой въ сердцѣ, что близится конецъ противорелигіозныхъ и безнравственныхъ вліяній. По крайней мѣрѣ другой популярный беллетристъ (Боборыкинъ), извѣстный, какъ внимательный наблюдатель текущей жизни со всѣми ея вліяніями и отразитель ея въ своихъ повѣстяхъ и романахъ, отмѣчаетъ сильную алчбу вѣры, которая охватила въ послѣднее время особенно нашу интеллигенцію. Сектантство уже не удовлетворяетъ этой алчбѣ. Теперь замѣтно сознается ложность и пагубныя послѣдствія и сектантства,—полное въ концѣ концовъ невѣріе его. Это отношеніе хорошо приходится наблюдать на молоканахъ. Они ли не привлекали къ себѣ въ свое время общее вниманіе? Ими ли не интересовались, какъ людьми нравственно развитыми? И что же? Теперь молоканство почти повсюду переживаетъ разложеніе. Даже послѣдняя столь печальная дѣятель-

ность Толстого и та принесла свою долю пользы въ совершенно противоположномъ направленіи. Нынѣ то и дѣло раздаются голоса изъ среды его почитателей въ родѣ: „почему ты, носитель священнаго разума, натолкнулъ насъ на дурной путь? Въ „Воскресеніи“ ты изобразилъ человѣка, который для удовлетворенія своего сладострастія погубилъ женщину; но что ты скажешь про того человѣка, который съ преступною самонадѣянностью навелъ тысячи людей на бродяжничество, на бунтъ, свелъ ихъ съ ума мечтательными бреднями и довелъ до медленной и мучительной смерти? Вотъ я передъ тобой, какимъ ты меня сдѣлалъ, изможенный и безнадежно несчастный, отовсюду гонимый и всѣми презираемый. Я воплощеніе твоей идеи. Призраку моему на сценѣ шумно аплодируетъ, но предо мною, печальнымъ олицетвореніемъ дѣйствительности, всѣ двери заперты. Любуясь же плодомъ идеи, навѣянной на тебя подъ звѣзднымъ небомъ, въ праздничномъ насхальномъ сіяніи, въ радости и свѣтѣ, идеи мертворожденной и тлетворной“... Такъ, толстовство послужило и служить для иныхъ лишь переходною ступенью къ сознательному вступленію въ ряды членовъ Христовой церкви. Въ рукахъ Божіихъ самое зло служить добру. Прославленіемъ старца Серафима Господь еще болѣе призываетъ заблудшихъ съ пути истины, укрѣпляетъ духовныя силы стоящихъ на немъ, побуждаетъ истинныхъ сыновъ церкви своей не страшиться борьбы съ врагами ея. И къ кому же прежде всего этотъ призывъ къ стойкой борьбѣ, какъ не къ служителямъ церкви, — пастырямъ ея?... Они и борются, ни на что не взирая; и труды ихъ обращаютъ на себя общественное вниманіе. Не такъ давно, всего лишь нѣсколько дней, въ одной изъ самыхъ распространенныхъ и серьезныхъ газетъ о духовенствѣ нашемъ было сказано, что оно „самое цѣльное и даровитое сословіе“. И дѣти духовенства, еще приготавливаясь только къ общественному служенію, еще будучи на школьной скамьѣ, уже заявляютъ себя честными, безкорыстными, самоотверженными тружениками. 13 декабря минувшаго года въ нашей столицѣ „Общество распространенія духовно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви“ чествовало 15-тилѣтіе дѣятельности студентовъ Петербургской духовной академіи въ качествѣ проповѣдниковъ на многочисленныхъ собесѣдованіяхъ съ народомъ. Начало просвѣтительной дѣятельности студентовъ относится ко времени „хожденія“ въ народъ съ сѣменами невѣрія

и развращенія. Призывъ „Общества“ побудилъ ихъ тоже *идти въ нѣ-родѣ*, но во имя Христа, съ ученіемъ вѣры, съ словомъ религіи; и народъ съ любовію и благодарностью отнесся къ ихъ трудамъ. А кажется, молодымъ ли людямъ, занятымъ собственнымъ образованіемъ, учить другихъ?.. Но на нихъ исполнилось мудрое слово изреченія: *уча учимся*,—проповѣдуя другимъ, укрѣпляемъ собственныя религіозныя убѣжденія, расширяемъ свое духовное знаніе, готовимся къ будущей пастырской дѣятельности. И вы, дорогіе мои слушатели, дѣти того же трудящагося духовенства, братья тѣхъ же студентовъ духовной академіи; и вамъ дороги истины вѣры, и вы готовитесь потрудиться для нея. Блаженный старецъ Серафимъ предъ смертію своею далъ такой завѣтъ одному твердому подвижнику, пришедшему проститься съ нимъ: „сѣй, о. Тимонь, сѣй всюду данную тебѣ пше-ницу; сѣй на благой землѣ, сѣй на пескѣ, сѣй на камени, сѣй при пути, сѣй и въ тернѣ: все гдѣ нибудь да прозябнетъ и возрастетъ, и плодъ принесетъ, хотя и не скоро. И данный тебѣ талантъ не скрывай въ землѣ, да не истязанъ будеши отъ своего Господина, но отдавай его торжникамъ: пусть куплю дѣютъ“. Примѣните, други, этотъ предсмертный завѣтъ старца къ себѣ сами.

А. Н.

ПОУЧЕНІЕ

по выносѣ Креста Господня на всенощномъ бдѣ-
 ніи въ Крестопоклонную недѣлю.

Труды и подвиги вознаграждаются побѣдой, горечь ихъ служить врачествомъ въ жизни, страданія и крестъ предшествуютъ славѣ и торжеству,—вотъ мысли, которыя внушаетъ намъ нынѣ св. церковь, приглашая поклониться Кресту Господню. И—мы покланяемся ему!.. Но и кресты, употребляемые въ таинствахъ и обрядахъ церковныхъ къ освященію нашему, многоразличные въ своихъ видахъ и составахъ, не всѣ ли изображенія одного креста, на которомъ пригвожденъ былъ Господь Спаситель нашъ? Древо крестное было лишь видимымъ ложемъ Его смерти; но сколько бдѣй, и какія страданія до сего претерпѣлъ Онъ! Вся жизнь Его земная отъ яслей до лобнаго

мѣста была усѣяна крестами. Путь Христовъ — путь креста, путь тяжелый и скорбный, за то ведущій прямо въ жизнь вѣчную.

Братіе! Воздавая поклоненіе видимому изображенію честнаго и животворящаго креста, не обязаны ли мы чтить и тѣ Кресты Господни, которые живо начертываются Правосудіемъ Всевышняго въ дѣлахъ жизни нашей, въ душѣ и сердцѣ каждаго изъ насъ. Каждый человѣкъ несомнѣнно имѣетъ свой крестъ. Всякое пререканіе въ чувственной жизни нашей есть древо, распинающее насъ; всѣ скорби, искушенія, бѣды и напасти, гоненія, нищета, болѣзни, — суть кресты, возлагаемая на насъ судомъ Божиимъ къ исправленію, очищенію, освященію насъ. *Всевышній очищаетъ избранныхъ Своихъ, яко злато въ горниль.* Всѣ христіане по благодати суть Тѣло Христово и уди отъ части Его. Такъ и кресты наши суть образы Креста Господня. Что Крестъ Господень пріобрѣлъ, то въ немъ и наши кресты, заимствуя, сообщаютъ намъ. Онъ міръ весь обновилъ, явилъ благость Божию къ людямъ; и наши кресты, если нести ихъ, подражая Божественному Крестоносцу, обновляютъ насъ во славу Божию. Сила страданій во Христѣ, восхитившая нѣкогда св. Апостола Павла до третьяго небесе, и насъ восхитить въ горныя, усладить обиліемъ даровъ Божіихъ. Вотъ почему мы должны чтить благоговѣйно кресты не только видимые, но и сокровенные въ ближнихъ нашихъ и въ насъ самихъ.

Итакъ что же? Видимъ ли кого изнемогающимъ подъ бременемъ креста неправды, лишенія, болѣзни, всякихъ несчастій вообще, — усматривая въ нихъ живое изображеніе Креста Господня, поспѣшимъ срътвить такого состраданіемъ, почтить его посильнымъ пособіемъ. Тогда мы явимся предъ Спасителемъ нашимъ истинными поклонниками Креста Его. Обременяютъ ли кого изъ насъ самихъ подобныя бѣдствія, — за всѣ скорби и страданія постараемся возблагодарить Всеблагаго Господа, такъ содѣлывающаго насъ общниками Его страданій. Во всемъ да будетъ у насъ похвала, по апостолу, объ одномъ лишь крестѣ Христовѣ. Не забудемъ только, что не всѣ кресты сообразны Кресту Христову и благодѣтельны для насъ. И суетный міръ имѣетъ свои кресты, коими возлюбившіе его нерѣдко и хвалятся. Всѣ пагубныя страсти, страхъ праведнаго наказанія, терзаніе совѣсти, разстройство здоровья, — вотъ мѣры и тяжесть

крестовъ, какіе налагаетъ лукавый міръ на своихъ любителей. Они страдаютъ, но слава ихъ въ студѣ, конецъ—погибель. Не крестъ суетнаго міра прославимъ, а Крестъ Господень возвеличимъ въ сердцѣ нашемъ и поклонимся ему во всѣхъ видахъ его и начертаніяхъ. Аминь.

А. Н.

Р Ъ Ч Ъ

предъ молебствіемъ 19 февраля 1903 г.

Помянуть дни древніе и поучахся (Пс. 142, 5).

Не такъ древни дни, которые теперь повелѣніемъ высшей государственной и церковной власти указано намъ ежегодно чествовать всенароднымъ молитвеннымъ воспоминаніемъ. Еще не сошли въ могилу всѣ живые участники и свидѣтели великаго историческаго дѣла освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; еще всѣ мы помнимъ тотъ подъемъ духа, который послѣ освобожденія крестьянъ долго-долго переживался русскимъ обществомъ и является дѣйственнымъ даже доннынѣ; еще помнимъ мы и въ дѣтствѣ, и въ зрѣлые годы волновавшія насъ литературныя произведенія, созданныя вдохновеніемъ поэтовъ и писателей подъ вліяніемъ 19 февраля 1861 года; еще и теперь живы воспоминанія объ этомъ днѣ въ народѣ, воспоминанія о томъ, какъ „вышла тогда воля“, и всякая бесѣда по поводу освобожденія крестьянъ въ душахъ русскихъ людей и теперь найдетъ всегда живой откликъ и сочувствіе. Великому дню 19 февраля суждено было стать центромъ всей жизни, всѣхъ интересовъ эпохи, приковать къ себѣ все вниманіе русскаго общества и навсегда оставить неизгладимый слѣдъ въ исторіи нашего отечества.

Но за эти пролетѣвшіе 42 года со дня объявленія свободы 22 милліонамъ русскаго народа такъ много пережило русское общество, такъ много-много переиспыталъ и самъ освобожденный народъ. Только молодая и сильная физически и духовно народность могла мирно и благополучно пережить такой глубокой, едва вмѣстимый въ разумъ, переломъ жизни, какъ рядъ реформъ и преобразованій 60-хъ

годовъ минувшаго столѣтія, въ числѣ которыхъ достойно занимаетъ
 первенствующее мѣсто актъ освобожденія крестьянъ. Время оправ-
 дало мудрую прозорливость тѣхъ русскихъ дѣателей, которые, навле-
 ка на себя злобу и всяческія обвиненія, всѣмъ сердцемъ однако
 сочувствуя дѣлу освобожденія крестьянъ, въ свое время предрекали
 тяжкія заботы, тяжкіе труды, громадныя осложненія всей жизни, что
 будутъ неизбѣжно вызваны 19 февраля 1861 года. Никакія опасенія,
 никто и ничто не могли, не должны были остановить великаго дѣла;
 истина этого рѣшенія великодушнаго Монарха, объявленнаго Госу-
 дарственному Совѣту, оправдана исторіей. Но великое дѣло, дѣйстви-
 тельно, потребовало и великаго труда, и трудъ этотъ огромною
 частью своей тяготы легъ не на предварительную работу предъ
 актомъ освобожденія, а на работу послѣдующую. Оставалась борьба
 со многими и тяжкими послѣдствіями рабства. Одного слова „сво-
 бода“ оказалось мало; одно объявленіе крестьянъ свободными не
 стѣлало ихъ таковыми во всѣхъ сторонахъ жизни, и мы увидѣли,
 что къ освобожденному народу по-прежнему подкрадывается и тяго-
 тѣть надъ нимъ иное рабство, — рабство, быть можетъ, не менѣ
 горькое, не менѣ гибельное для силъ народныхъ, чѣмъ крѣпостная
 зависимость... Еще не искоренено въ народѣ невѣжество умственное
 и религіозное; мы видимъ обѣднѣніе массъ, за которыми чудятся и
 предрекаются грозящіе признаки вырожденія; рядомъ же наблюда-
 ются попрежнему пьянство, преступность, паденіе семьи; много и
 другихъ темныхъ сторонъ жизни: распатанность всего установив-
 шагося вѣками строя крестьянской жизни, скопленіе безработныхъ
 людей въ городахъ — эта горячая почва для всякаго рода преступле-
 ній; пониженіе религіознаго чувства, охлажденіе къ церкви, разви-
 тіе сектантства, роковое значеніе котораго хорошо понимаютъ только
 враги наши, справедливо почитая его во всѣхъ отношеніяхъ гибель-
 нымъ для Россіи и поддерживая его своими деньгами: вотъ духовное
 рабство, отъ котораго народъ нашъ еще не освободился. Мы далеки
 отъ мысли видѣть во всей этой мрачной картинѣ постоянное, устой-
 чивое и неиспѣльное явленіе жизни; мы не хотимъ объявить всю
 нашу жизнь объятой процессомъ разложенія и вырожденія. Это было
 бы ревностью не по разуму. Мы видимъ здѣь только неизбѣжное,
 хотя и горькое, но временное и переходное явленіе, болѣзненное,
 какъ всякая переходная пора въ жизни ли природы, въ жизни ли

отдѣльнаго человѣка или цѣлаго общества: старая традиція жизни нарушена, новая находится въ періодѣ созиданія и еще не окрѣпла. Болѣе того: мы обязаны засвидѣтельствовать, что съ 19 февраля 1861 года русская жизнь преобразилась до неузнаваемости: выросли храмы, удесятерились школы, возникли благотворительныя учрежденія, создались больницы, поднялась и растетъ гигантскими шагами наша промышленность... Но съ быстрымъ ростомъ и пшениць растутъ быстро и плевелы. Вотъ почему замалчивать отмѣченныя выше темныя явленія нашей современности было бы преступно. И вотъ, наблюдая ихъ, невольно вспоминаешь вѣчныя слова вѣчнаго ученія, сказанныя нѣкогда другому народу, въ тайникахъ души жившему только одною мыслью, однимъ завѣтнымъ желаніемъ—освободиться отъ власти римскаго цезаря: *познайте истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными...* (Іоан. VIII, 32).

О, какъ бы хотѣлось, чтобъ эти слова теперъ призывнымъ кличемъ пронеслись по землѣ нашей; чтобъ они вызвали всѣ силы духовныя въ нашемъ обществѣ на плодотворную работу освобожденія народа нашего отъ тяготящаго надъ нимъ духовнаго рабства; чтобы силы эти не расточались бесплодно на горделивыя и пустыя словоизверженія; на подпольную работу подпольной литературы; на ворчливое брюжжанье, усаждающееся собственнымъ озлобленіемъ и недовольствомъ, какъ признакомъ якобы высшаго развитія; на игру недовольствомъ чужимъ, въ какомъ бы словѣ общества оно ни проявлялось; на бесплодное и ничего не дающее критиканство дѣйствій власти, ищущее только темныхъ сторонъ жизни... Господи! Сколько работы у насъ другой, прямой и положительной работы на нивѣ народной, сколько работы въ смыслѣ непосредственнаго продолженія великаго дѣла 19 февраля 1861 года! Говорятъ и пишутъ, что бѣднѣетъ центръ нашъ, что хирѣетъ крестьянинъ; что подавляетъ его невѣжество; съ грустью отмѣчаетъ печать, что принижается сила нашего крестьянства и самосознаніе; что, подъ вліяніемъ этого, нерѣдко тѣ, которымъ русскій народъ своими великими жертвами труда, крови, и денегъ далъ свободу и спасеніе отъ гибели, поднимаютъ противъ него голову, и на той землѣ, гдѣ на протяженіи 12,000 верстъ въ длину и 5,000 верстъ въ ширину онъ устроилъ тысячелѣтнимъ подвигомъ и напряженіемъ всѣхъ силъ народныхъ

гражданскій порядокъ и обезпечилъ мирное процвѣтаніе жизни, ему становится тѣсно, ему иногда какъ будто не находится мѣста! Что это, какъ не духовное закрѣпощеніе великаго народа? Что это, какъ не горькое его рабство?!

Братіе-соотечественники! Мы—наслѣдники работы послѣ великаго акта освобожденія крестьянъ. На насъ лежитъ обязанность въ трудѣ упорномъ и вдумчивомъ явиться продолжателями великихъ дѣяній приснопамятнаго Государя Императора Александра II, вѣрившаго въ свой народъ и вѣрившаго въ то, что потомство не только оцѣнитъ и прославитъ Его царственное великодушіе, не убоявшееся реформы, но и увѣнчаетъ эту реформу плодотворными и благими послѣдствіями для русской жизни.

Пусть же праздникъ этотъ, 19 февраля, будитъ наши души, пусть онъ зоветъ насъ на трудъ, и трудъ во благо нашего народа! О, какъ велика здѣсь нива трудовая! Какъ широко здѣсь поприще для примѣненія всѣхъ и всякихъ способностей отъ самыхъ малыхъ и до самыхъ великихъ. Религіозное просвѣщеніе народа, его нравственное оздоровленіе, умственное образованіе, огражденіе его отъ вліянія темныхъ силъ противогосударственной и противоцерковной агитаціи; экономическій подъемъ его жизни въ сельскомъ хозяйствѣ, въ торговлѣ, промышленности; дарованіе ему почетнаго мѣста на русской землѣ, которое онъ достойно заслужилъ всѣмъ своимъ прошлымъ; устроеніе дѣла переселенческаго; подъемъ его самосознанія, его патріотическаго духа; открытіе широкаго выхода къ развитію и примѣненію его богатѣйшихъ природныхъ дарованій и способностей: вездѣ и всюду нуженъ нашъ трудъ, наше служеніе, нужны люди, нужны горячіе ревностью работники и подвижники!

Будемъ молиться и будемъ глубоко вѣрить, что какъ нашлись въ свое время добрые и безстрашные работники для реформы 19 февраля 1861 года, такъ найдутся они и для ея продолженія и углубленія въ жизни нашей дорогой родины. Аминь.

Протоіерей *Іоаннъ Восторговъ.*

Чествованіе прихожанами своего пастыря.

16 февраля с. г. въ Тифлисской Кукійской Александро-Невской церкви происходило скромное, но умилительное по своему характеру, торжество чествованія бывшего настоятеля церкви, назначеннаго нынѣ законоучителемъ Тифлисскаго кадетскаго корпуса, протоіерея Евгенія Ипполитовича Звѣрева. Сынъ профессора Тверской духовной семинаріи о. Евгеній по окончаніи курса наукъ въ Кіевской духовной академіи поступилъ на службу по духовно-учебному вѣдомству, гдѣ послѣдовательно проходилъ должности помощника смотрителя, а затѣмъ и смотрителя въ духовныхъ училищахъ на югѣ Россіи. Въ 1883 г. поступилъ на должность помощника инспектора Тифлисской духовной семинаріи. Отсюда въ 1885 г., принявъ священство, о. Звѣревъ назначенъ былъ къ Александро-Невской церкви. Здѣсь, въ продолженіи почти 18 лѣтъ почтенный о. протоіерей трудился на тяжеломъ приходскомъ поприщѣ. Сплотивъ около себя людей, преданныхъ церкви Божіей, онъ не мало сдѣлалъ для благоустройства храма Божія и своего прихода. Храмъ былъ расширенъ почти вдвое, устроена была приличная ограда церкви, основана церк.-приходская школа, выстроено для нея прекрасное зданіе, устроены причтовые дома, образовано попечительство и при немъ дамскій комитетъ для призрѣнія бѣдныхъ прихода и, наконецъ, въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, усердіемъ и трудами о. протоіерея въ храмѣ былъ устроенъ придѣлъ во имя св. Николая Чудотворца..... За свою сердечную доброту о. Евгеній всегда пользовался любовью цѣлаго причта и прихожанъ. Божественную литургію въ день прощанія совершилъ самъ о. протоіерей. Въ концѣ литургіи имъ сказано было слѣдующее прощальное слово:

„Да будетъ благословенно утро нынѣшняго дня, въ которое церковный благовѣстъ созвалъ насъ въ этомъ св. храмѣ для принесенія братской молитвы.

Совершивши безкровную жертву по заповѣди Христовой, помолившись о всѣхъ здѣсь присутствующихъ,—что скажу вамъ, возлюбленные братіе и сестры въ минуту разлуки съ вами?

Промыслъ Божій судилъ мнѣ идти на новое мѣсто священническаго служенія. Преклоняюсь предъ неисповѣдимыми путями воли Божіей, благой и всесовершенной; всецѣло вручаю мой жребій Богу-Творцу, Промыслителю, Искупителю грѣшнаго рода человѣческаго.

Но, оставляя близкое общеніе съ вами въ предѣлахъ этого прихода, я утѣшаюсь мыслию, что духовное общеніе наше никогда не прекратится въ союзѣ вѣры и любви, связующемъ во едино всѣхъ членовъ вселенской церкви.

Благодарю Господа, даровавшаго мнѣ потребныя силы во время семнадцатилѣтняго служенія среди васъ. Съ отрадою вспоминаю, что это были лучшіе годы моей жизни въ томъ возрастѣ, когда крѣпнуть религіозно-нравственныя убѣжденія; когда мысль становится болѣе зрѣлой и творческой?

Въ моей памяти длинной чредой проходятъ представленія объ этихъ работахъ; оживаетъ лѣтопись благоустройства этого св. храма и та дружная работа всѣхъ прихожанъ, которая была направлена на созиданіе дома Божія.

Влаженной памяти митрополитъ Исидоръ съ молитвою на устахъ первый водрузилъ крестъ въ основаніе этого храма и съ его благословенія началось собраніе здѣшняго прихода, который сталъ въ послѣдствіи видной православною и патріотическою общиною, ежегодно умножавшею число своихъ членовъ. Душою этой общины явилось приходское попечительство. Благословляемое и поощряемое послѣдующими Экзархами Грузіи, оно сослужило честную и полезную службу св. Церкви, Царю и отечеству.

Мнѣ, малому дѣятелю, пришлось примкнуть къ этому почтенному учрежденію въ самый разгаръ его дѣятельности. Въ 1887 году былъ расширенъ и украшенъ этотъ св. храмъ съ основаніемъ при немъ одноклассной школы; а затѣмъ, съ помощію Божіею, въ немъ былъ устроенъ придѣлъ во имя Святителя и Чудотворца Николая, въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, нынѣ благополучно царствующихъ.

Принимая участіе въ постоянно возрастающей дѣятельности попечительства, я искренно радовался благочестивому усердію, взаимному довѣрію и братской расположенности его просвѣщенныхъ членовъ. Вѣчная память тѣмъ изъ нихъ, которые почилы о Господѣ; здравіе и долгоденствіе тѣмъ, которые живы доселѣ. И тѣхъ и другихъ да помянетъ Господь Богъ во Царствіи Своемъ!

Нынѣшній день, въ который бывшіе духовныя дѣти мои являютъ новый знакъ расположенія ко мнѣ, недостойному, — есть день нераздѣльно знаменательный какъ для пастыря, чествуемаго сверхъ его заслугъ, такъ и для пасомыхъ, почитающихъ служителя церкви Христовой.

Такое явленіе въ наши дни особенно отрадно; нынѣ христіанская совѣсть смущается и испытывается подъ вліяніемъ ученія такъ называемыхъ свободныхъ мыслителей въ области религіи; подъ вліяніемъ мнѣній и взглядовъ безумно направленныхъ къ заблужденіямъ міра языческаго, проникнутыхъ грубымъ матеріализмомъ и наглымъ кощунствомъ надъ православіемъ, — этимъ исконнымъ и драгоцѣннымъ наслѣдіемъ русскаго народа и единовѣрныхъ съ нимъ.

Вотъ почему ваше многочисленное собраніе въ этомъ св. храмѣ есть торжество вѣры и благочестія; я усердно молю Господа, чтобъ Онъ, Всевышній, даровалъ досточтимому преемнику моему и всему здѣшнему приходу спасать въ этомъ храмѣ отъ навѣтовъ вражійхъ это древнее благочестіе, отцами нашими заповѣданное.

Еще и еще сердечно благодарю всѣхъ васъ за выраженіе братскаго общенія и любви. Въ нынѣшній день всепрощенія, усердно молю васъ простить

мнѣ, если кого по немощи человѣческой огорчилъ или обидѣлъ мыслию, словомъ и дѣломъ. Благословеніе Господне да пребудетъ надъ вами во всѣ дни вашей жизни!»

На молебень изволилъ выйти Преосвященный Димитрій, Епископъ Алавердскій вмѣстѣ съ другими священнослужителями, настоящими и бывшими сослуживцами о. протоіерея. Преосвященный обратился къ о. Звѣреву съ слѣдующимъ глубокопрочувствованнымъ, сердечнымъ словомъ:

„Высокочтимый и о Господѣ горячлюбимый Отецъ Протоіерей!

На долю мою выпали большая честь и счастье въ день прощанія твоего съ святымъ этимъ храмомъ, въ день исполненія бывшими пасомыми твоими сыновняго долга любви, по отношенію къ тебѣ лежащаго на нихъ, въ день осуществленія бывшими духовными чадами твоими совѣта, даннаго св. Апостоломъ языковъ—великимъ Павломъ, въ лицѣ ученика своего Тимоѳея, всѣмъ церковнымъ общинамъ, дабы прилежащія добрѣ пресвитери, паче же труждающіися въ словѣ и ученіи сугубыя чести сподоблялись (1 Тим. 5, 17)—привѣтствовать тебя словомъ благодарности.

И я не только отъ лица твоихъ бывшихъ прихожанъ, по просьбѣ ихъ, но и отъ лица Ангела церкви Иверской, благостнѣйшаго нашего Архипастыря, съ разрѣшенія и благословенія котораго и пришелъ я сюда, какъ твой давній знакомый и почитатель, значить, отъ лица всей святой Тифлисской церкви приношу благодарность тебѣ, зане «воинствуеши въ нихъ доброе воинство» (1 Тим. 1, 18), такъ какъ ты постарался «себе искусна поставити предъ Богомъ, дѣлателя непостыдна, правоправяща слово истины» (2 Тим. 2, 15). Благодарятъ тебя братія этого святаго храма за великій трудъ и подвигъ, подъятыя тобою здѣсь.

Не вчера и сегодня пришелъ ты сюда, не годъ и не два послужилъ ты этой церковной общинѣ, а цѣлыхъ 18 лѣтъ работалъ ты здѣсь. Лучшіе годы мужества своего, полный расцвѣтъ всѣхъ своихъ духовныхъ силъ пожертвовалъ ты этому святому храму. Мы, тифлисцы, живо помнимъ, въ какомъ состояніи находилась церковь эта до тебя и какъ—съ поступленіемъ твоимъ сюда—закипѣла здѣсь жизнь церковная. Никогда не забудемъ, какъ мы съ разныхъ концовъ Тифлиса сбѣгались на служенія новаго молодого настоятеля **Алекса́ндро-Невской** церкви; съ какою жадностью хватали мы твои живыя, назидательныя слова, почти за каждой службой предлагавшіяся тобой. Въ тѣ времена Тифлисъ не богатъ былъ учеными, образованными священниками и, ты былъ однимъ изъ первыхъ, предложившихъ народу православному, жаждавшему послушать Слово Божіе, внѣбогослужебныя собесѣдованія,—и любили мы стекаться въ твой храмъ, слышать о мирѣ и любви христіанскія

слова твои. Умѣлымъ, аккуратнымъ проповѣданіемъ Слова Божія не истерялась дѣятельность твоя; на всѣ стороны приходской жизни обращено было вниманіе тобою, и помогъ тебѣ Господь почти изъ ничего создать здѣсь одну изъ лучшихъ и благоустроенныхъ церковныхъ общинъ въ городѣ нашемъ. Мы видимъ всѣ, въ какомъ положеніи оставляешь ты этотъ святой храмъ, созданную тобою при немъ школу и другія церковныя, при тебѣ возникшія, учрежденія, поэтому не станемъ утруждать тебя перечисленіемъ сдѣланнаго тобою здѣсь, укажемъ лишь на одну черту твоего христіанскаго характера, насъ особенно утѣшавшаго. Ты, помня заповѣдь Божью, что *рабу Господню не подобаетъ сваритися, но тиху быти ко всѣмъ, учителюу, незлобиво, съ кротостію наказующу противныя, егда како дастъ имъ Богъ покаяніе въ разумѣ истинны, и возникнутъ отъ діавольскія стѣны, живи уловлени отъ него, въ свою его волю* (2 Тим. 2, 24—26), уклонялся «скверныхъ суесловій» (1 Тим. 6, 20), избѣгалъ «буихъ и ненаказанныхъ стязаній» (2 Тим. 2, 23), училъ народъ Божій святому закону любви и миру Христовому, являя въ личной своей жизни добрый образъ мирнаго христіанскаго житія. Поэтому-то ты и былъ привлекателенъ и на твои собесѣдованія, повторяемъ, стекался народъ съ разныхъ концовъ нашего города. Слово твое—плодъ глубокаго христіанскаго разсужденія и твердаго убѣжденія—глубоко западало въ душу твоихъ слушателей.

Въ жизни намъ не разъ приходилось встрѣчаться съ молодыми народными учителями, твоими бывшими учениками, кои съ благодарностью вспоминали твои разумные школьные уроки, утвердившіе ихъ въ истинахъ святой нашей вѣры. Не обинуясь, свидѣтельствуемъ мы, а за нами, увѣрены мы, повторить каждый тебя знающій, что ты, одаренный не дюжинными способностями, постоянно пребывалъ во смиреніи, не старался придать блеска въ глазахъ людей дѣятельности своей, не выдвигалъ себя въ числѣ братіи своей, не искалъ чести, избѣгалъ похвалы людской, поэтому-то и ущедрилъ тебя Богъ даромъ небеснымъ, даромъ вѣчнымъ, даромъ, принесеннымъ Спасителемъ нашимъ съ неба на землю, даромъ любви. Любимъ ты въ семьѣ, любимъ ты въ приходѣ, любимъ каждымъ, коего Господь удостоилъ сближенія съ тобой.

Вотъ и нынѣ бывшія духовныя твои чада, желая засвидѣтельствовать тебѣ предъ всѣми любовь свою, подносятъ тебѣ этотъ великій знакъ Божіей любви, символъ борьбы жизни со смертью, символъ полной побѣды жизни надъ смертью—Св. Крестъ Христовъ. Имъ, и только имъ—этимъ всеильнымъ орудіемъ мира силенъ христіанинъ, силою Животворящаго Креста Господня и ты былъ силенъ и воинствовалъ имъ, побѣждай и нынѣ имъ всѣхъ враговъ церкви святой, силою же Креста воспитывай намъ въ страхъ Божіемъ будущихъ защитниковъ Святой Православной Державы—дорогой нашей родины.—Теперь же вмѣстѣ съ нами возблагодари Господа, даровавшаго тебѣ доброе пастырствованіе и испроси у милующей Десницы Его, да нис-

пошлетъ тебѣ и всѣмъ намъ вмѣстѣ съ тобою великую милость свою, дабы въ маститой старости воскликнуть всѣмъ намъ вмѣстѣ съ сѣ. Апостоломъ Павломъ: «подвигомъ добрымъ подвизахся, течение скончахъ, вѣру соблюдохъ» (2 Тим. 4, 8) и да воздастъ намъ въ день онъ вѣнецъ правды, обѣщанный всѣмъ возлюбившимъ явленіе Его. Аминь.»

Послѣ этого группой почетныхъ прихожанъ во главѣ съ церковнымъ старостой отставнымъ генераль-маіоромъ А. И. Хрисанфовымъ поднесенъ былъ о. Звѣреву золотой наперстный, украшенный дорогими камнями, св. крестъ. По окончаніи благодарственнаго молебна и многолѣтія Государю Императору, Царствующему дому, Святѣйшему Синоду, Высокопреосвященному Экзарху Грузіи Алексію, Преосвященному Димитрію, Епископу Алавердскому и о. протоіерею Евгенію,—ученики мѣстной церковно-приходской школы поднесли о. протоіерею св. Библию, причемъ одинъ изъ маленькихъ школьниковъ произнесъ рѣчь слѣдующаго содержанія:

„Дорогой Батюшка!

Мы, ученики здѣшной школы, были очень опечалены, когда узнали, что Вы уходите отъ насъ. Мы Васъ любили, потому что Вы были всегда къ намъ ласковы, добры.

Желаемъ Вамъ на новой Вашей службѣ всякаго благополучія, добра и долгой жизни. А чтобы Вы насъ не забыли, мы просимъ Васъ принять эту святую книгу на добрую память о Вашихъ школьникахъ.»

Торжество чествованія закончилось въ квартирѣ о. протоіерея скромной братской трапезой, каковую почтилъ и Преосвященный Димитрій.

Священникъ А. Разумовскій.

20 февраля 1903 г.

Къ кончинѣ свящ. А. Триандофилова.

1.

Прошу читателя перенестись со мною на крыльяхъ воображенія въ далекую, глухую деревушку Черноморской губерніи, до 1898 года именовавшуюся „Красной Поляной“, а съ этого времени зарегистрированную въ спискахъ поселеній Россіи съ громкимъ именемъ „городъ Романовскъ“. На высотѣ 4 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, среди поляны, окруженной еще болѣе высокими горами, предъ нами открывается рядъ скромныхъ хатокъ краснополянскихъ обывателей. Видится и приходскій храмъ, который силится своею внѣшностью господствовать надъ остальны-

ми постройками, но это ему слабо удается—очевидно, тяжелая борьба за существование здѣсь значительно тормозитъ порывы души христіанской. И эта доля одинаково гнететъ какъ обитателей „рядовыхъ“ хатокъ, такъ и насельниковъ центрального строенія—жилища мѣстнаго священника о. Авраамія Триандофилова, куда мысленно мы и заходимъ. Въ данное время мы застаемъ дома лишь матушку съ ея двумя дочерьми. Тихая, нѣсколько молчаливая для внѣшняго взора, она примѣрная, опытная хозяйка, заботливая мать и любящая жена. Не пришлось ей въ свое время заpastись знаніемъ грамоты, но условія жизни нерѣдко заставляли мозги усиленно работать и это дало ей достаточно инициативы и не мало опыта, да и здраваго смысла на столько, что она безспорно выше остальныхъ односельчанокъ, хлопочетъ она по хозяйству, не упускаетъ изъ виду дочерей, но и сердце и мысль уносятся далеко-далеко отъ Красной Поляны къ милымъ отсутствующимъ: кормильцу мужу и надежѣ—сыну.

2.

Послѣдній учился въ Новороссійской гимназіи, въ 5 классѣ. Вырванный изъ глуши, слабо подготовленный, онъ на первыхъ порахъ видѣлъ полный разладъ въ своихъ усиліяхъ по ученію и въ результатахъ его. Но къ счастью у него осталась скромность въ поведеніи, охота къ труду, а главное—глубоко и рано укоренившееся въ немъ сознаніе, что лишь наукой онъ пробьетъ себѣ прочную дорогу въ жизни. И трудится неустанно и уже успѣваетъ! Онъ вѣдь знаетъ, что стоитъ его отцу расхотѣть изъ-за него, онъ чувствуетъ, что дома во всемъ отказываютъ себѣ, лишь бы дать ему то, что самимъ не удалось получить—доброе, правильное образованіе. О, хотя бы скорѣе промчались годы подготовки въ жизнь: онъ съумѣетъ отплатить за все—и любовь, преданностію и матеріально...

Только что простился онъ съ своимъ отцомъ, сопровождавшимъ его въ Новороссійскъ послѣ рождественскихъ каникулъ. Отецъ уплатилъ за квартиру, оставилъ нѣсколько „карманныхъ“ денегъ. Какъ любовно печется онъ о сынѣ, какъ трогательно разставался, давая самыя подробныя, обстоятельныя наставленія на всякій случай! И почему-то на сей разъ это разставаніе для сына особенно тяжело... А для отца?...

3.

Ѣдетъ онъ изъ Новороссійска на Адлеръ парохомомъ по бурному зимнему морю. Можно дагадаться, что и его душа полна чувствъ, въ одну сторону—къ краснополянскому родному гнѣздышку, а въ другую—къ оставленному опять для науки сыну. Вѣдь онъ добрый семьянинъ! Не мало заботъ далъ ему домашній очагъ, глубокія складки на челѣ и преждевременную сѣдину вызвалъ онъ. Сердце и то стало что-то пошаливать: нѣтъ

—нѣтъ и кольнетъ или до боли затрепещеть. Тамъ дома, у него 17 лѣтняя дочь годъ-отъ-году все сильнѣе страдаетъ припадками падучей болѣзни, какъ измучилась, глядя на нее, мать; какъ больно это ему! Но что дѣлать? Съ своей стороны онъ употребилъ все возможное, чтобъ спасти дорогое дитя. Не крестъ-ли это ему?..

Невольно переносится онъ мыслию къ своей 9 лѣтней дѣвочкѣ, которая, благодареніе Создателю, совершенно здоровенькая. Она своимъ видомъ умѣряетъ скорбь по старшей дочери. Онъ мечтаетъ дать ей образование и уже рѣшилъ послѣ лѣта текущаго года отдать ее въ Екатеринодарское Епархіальное Училище. Лишь бы хватило у самого здоровья и средствъ...

Пароходъ мѣрнымъ ходомъ идетъ все дальше, южнѣе. Въ Туапсе о. Авраамію удалось лично сдать о. благочинному годовой отчетъ по ввѣренной ему церкви, отсюда уже рукой подать до послѣдняго пункта морского путешествія—Адлера. Далѣе приходится совершить 50 верстный путь верхомъ на лошади. Ужасный путь въ эту пору года! Для туристовъ, заглядывающихъ сюда лѣтомъ, эта дорога кажется грандіозною, восхитительной. Подъемъ на значительную высоту надъ уровнемъ моря, эта змѣйкой вьющаяся все выше и выше дорога, головокружительные обрывы съ одной стороны пути, громадныя, отвѣсныя, иной разъ нависшія стѣны—съ другой, тоннели, шумныя горныя рѣчки—все это даетъ сильное впечатлѣніе. Но о. Авраамій ѣдетъ въ пору, когда весь этотъ ландшафтъ покрытъ сплошною зимнею пеленою, въ 2 аршина толщины. Не любоваться приходится, а съ опаской озираться! Съ нимъ 6 спутниковъ, и у всѣхъ по лопатѣ, которая нерѣдко пускается въ дѣло, чтобъ проложить нужную тропу. Путники туго подвигаются впередъ, такъ что лишь къ 3 часамъ пополудни приближаются къ послѣдней тоннели, которая откроетъ предъ ними спускъ къ родной полянѣ. Осталось 18 верстъ пути, но здѣсь все какъ-бы ополчилось противъ странниковъ, что-то роковое, грозное стало угнетать до сихъ поръ доброе настроеніе духа. Дорога безъ того была невыносима, а тутъ еще пришлось вдругъ натолкнуться на страшные обвалы: съ далекаго верха съ ужасающей быстротого то-и-дѣло скатывались внизъ комья слегшагося снѣга, льдины и осколки скаль! Виднѣлось 11 заваловъ, изъ которыхъ кое-какъ, ведя лошадей за поводы, удалось пройти 6. Уже не идутъ, а скорѣе карабкаются, причемъ каждый поневолѣ печется лишь о себѣ. Только о. Авраамій, оказавшійся въ центрѣ каравана, силится подбадривать другихъ, временами дать тому или другому добрый совѣтъ, предостерегаетъ отъ опасности. Могъ-ли онъ думать, что въ наибольшей опасности онъ самъ!? А между тѣмъ еще нѣсколько мгновеній—и окрестность вдругъ огласилась ужаснымъ, неестественнымъ крикомъ нѣсколькихъ людей... Что-же случилось? Очевидецъ, племянникъ о. Авраамія, говоритъ: „дядя стоялъ, держа за уздечки свою и мою лошади, а я отправился на

заль—подобрать снятый съ лошадей грузъ. Дядя сталъ громко требовать, чтобы мы бросили все, т. е. и поклажу и лошадей, и ползли какъ можно скорѣе дальше. Мы слышимъ всё его рѣчь, какъ вдругъ она прервалась... въ воздухѣ послышался зловѣщій свистъ и шипѣніе, а вмѣсто голоса одного почти въ тотъ-же мигъ раздался страшный крикъ многихъ... Когда я подбѣжалъ къ оставшимся на мѣстѣ лошадямъ, все какъ будто было по прежнему, не доставало лишь дяди. На снѣгу распростерлась его шуба. Но сейчасъ же изъ-подъ нея къ нашему ужасу стала показываться кровь. Мы подняли ее, и взорамъ нашимъ предстало душу леденящее зрѣлище: совершенно вдавленнымъ въ глубь снѣга лежалъ на-поваль убитый мой благодѣтель, а поверхъ его помѣстился и убійца его—пуда въ 2—3 камень, раздробившій своей жертвѣ голову“...

Такъ трагически 20 января с. г. отошелъ въ иной міръ пастырь Красной Поляны. Не поддается описанію свиданіе матушки съ своимъ обезображеннымъ мужемъ. Ужаснымъ ударомъ была вѣсть объ этомъ и для сына въ его любви къ отцу и въ его мечтаніяхъ на будущее.

Но если въ отношеніи къ сыну первое навсегда останется неизлечимою ранюю, неужели не найдется выхода во второмъ? Думается, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей. И какъ бы въ подтвержденіе этого пришлось услышать, что краснополянскій псаломщикъ Іаковъ Тріядофиловъ, племянникъ покойнаго, всѣмъ обязанный своему дядѣ, подалъ нашему Архипастырю прошеніе о назначеніи его на вакантное священническое мѣсто въ Красной Полянѣ, давая обязательство помочь осиротѣвшему гимназисту закончить свое образованіе. Дай, Боже, чтобы это осуществилось! Кандидатъ окончилъ курсъ ученія въ Екатеринодарскомъ духовномъ Училищѣ, прекрасно владѣетъ греческимъ и русскими языками и едвали можетъ быть замѣненъ болѣе приспособленнымъ лицомъ для такого прихода, какъ Красная Поляна, гдѣ по даннымъ Канцеляріи Черноморскаго Губернатора имѣется 366 грековъ, 66 русскихъ и 1 имеретинъ.

Протоіерей В. Гофманъ.

Къ вопросамъ нашей церковной школы.

I

Взглядъ назадъ.

Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила провинціальная читающая публика за появлявшимися въ послѣднее время на страницахъ свѣтской печати предположеніями о реформахъ церковной школы. Но предположенія эти были настолько разнорѣчивы, что на нихъ нельзя было строить никакихъ опредѣленныхъ выводовъ, и это еще сильнѣе разжигало общую любознательность. Одно то было достовѣрно, что въ юный, несложный механизмъ церковной школы скоро будетъ внесено что либо новое. Наконецъ, завѣса дѣйствительности приподнята и предъ нами новое „Положеніе о церковныхъ школахъ вѣдомства Православнаго Исповѣданія“, Высочайше утвержденное въ 1-й день апрѣля сего года. Реформъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, по новому „Положенію“ мало, но въ общемъ строеніи церковной школы сдѣлано такое улучшение, которое въ конецъ урѣзываетъ всѣ чаянія враговъ Церкви и церковнаго. Поэтому понятенъ тотъ живой, нелицемѣрный восторгъ, которымъ нынѣ затрепетали тысячи сердець духовенства и учителей на всемъ протяженіи православной Имперіи.

И есть о чемъ радоваться! Новое школьное „Положеніе“—крупный подъемъ средствъ къ церковному воспитанію народа и вмѣстѣ съ тѣмъ великій шагъ окончательнаго узаконенія за церковью тѣхъ священныхъ правъ воспитанія гражданъ, которыя ей неписаннымъ закономъ принадлежали съ первыхъ-же дней христіанства и всегда должны принадлежать *argiori*, по самой идеѣ отношенія Церкви къ Государству. А между тѣмъ еще недавно церковн. школа была предметомъ насмѣшки многихъ *quasi*-интеллигентныхъ господъ, которые, какъ говорится, изъ воробья верблюда дѣлали, безгранично преувеличивая малѣйшіе недостатки нашей школы, и называли послѣднюю даже не школою, а „поповской лачужской“. Издѣвались надъ нею даже такія лица, отъ которыхъ слѣдовало ожидать наоборотъ сочувствія и защиты. Авторъ этихъ строкъ изъ времени бытности своей учителемъ въ западной Грузіи знаетъ нѣсколько примѣровъ, когда приставъ, человекъ съ дипломомъ, открыто увѣщевалъ крестьянъ отдавать дѣтей либо въ министерскія школы, либо никуда, но только не въ „поповскія“; однажды при возникшихъ между министерской и церковной школами недоразумѣніяхъ, позволилъ (если только не приказалъ) старшинѣ насильно гнать учениковъ изъ послѣдней въ первую, всячески мѣшалъ приговорамъ сельскихъ обществъ, благопріятствовавшимъ церковной школѣ, и враждебно относился къ учителямъ ея, хотя они старались и не замѣчать его существованія на бѣломъ свѣтѣ. Но что говорить о приставѣ, когда

то-же доставалось и отъ людей гораздо меньшаго вѣса? Вѣдь что такое какойнибудь на грамотный,—съ позволенія сказать—необтесанный, избираемый изъ среды самыхъ заурядныхъ мужиковъ сельскій старшина? Вѣдь онъ самый малый изъ людей „случайнаго положенія“ и къ тому же ближайшій въ деревнѣ блюститель закона и порядочности, но и этотъ „малый“ считалъ себя въ правѣ уколоть, унижить, раздавить церковную школу, чтобы не отстать въ этомъ отношеніи отъ извѣстныхъ культуртрегеровъ. Отъ подобныхъ же просвѣтителей приходилось часто слышать, что лучше быть ничѣмъ и никѣмъ, нежели учителемъ „поповской лачужки“. Слѣдствіе было таково, что нѣкоторые учителя въ незнакомой средѣ теряли смѣлость рекомендоваться по дѣйствительной своей профессіи и называли себя псаломщиками. Даже блестящіе воспитательные и учебные успѣхи церковной школы оказывались недостаточными для того, чтобы разсѣять существованіе противъ этой школы упорныхъ предубѣжденій. Бывало, проѣзжаетъ чрезъ село какойнибудь чиновникъ. Онъ съ удовольствіемъ заходитъ въ министерскую школу, послушаетъ учениковъ, посидитъ часокъ, похвалитъ учителя за усердіе къ дѣлу, занесетъ въ визитаціонную книжку лестные отзывы, дастъ сельчанамъ наставленіе внимательно относиться къ нуждамъ „такой хорошей школы“ и всегда потомъ при удобномъ случаѣ не забываетъ вставить слово, что такая-то школа дѣйствительно очень хороша. Но тотъ же чиновникъ уклончиво отворачивается отъ просьбъ священника завернуть въ его школу. „Радъ я, батюшка, вамъ угодить, да не могу имѣть удовольствія, времени нѣту“—отвѣчаетъ онъ полушутливо, полу-насмѣшливо. А между тѣмъ его визитъ въ глазахъ сельчанъ много значитъ.

Если ближе всмотрѣться въ дѣло, то легко убѣдиться, что въ основѣ этихъ и подобныхъ отношеній къ церковной школѣ лежатъ два обстоятельства: *правовая неопредѣленность положенія и матеріальная необезпеченность* церковной школы. Большинство до сихъ поръ не знаетъ, извѣстна ли высшему начальству эта школа или она лично „поповская“, домашняя, и что такое она въ общей системѣ общественныхъ учреждений. Вопросъ о матеріальной сторонѣ еще въ худшемъ положеніи. Для наглядности обратимся къ цифрамъ, а для примѣра возьмемъ западную Грузію, близко извѣстную автору сихъ строкъ. Учитель одноклассной министерской школы получаетъ въ годъ не менѣе 300 руб. жалованья, квартиру и отъ крестьянскаго общества отопленіе и прислугу, а также половину (во многихъ школахъ даже цѣликомъ) платы за право ученія съ дворянъ и постороннихъ, т. е. не изъ того крестьянскаго общества, которое обязано къ школѣ. Старшина обязанъ доставить ему все это аккуратно и своевременно. Обезпеченіе, конечно, не великое, но все же сносное, а сравнительно съ церковной школой даже завидное, великолѣпное. Такъ, учитель школы грамоты получаетъ даже не жалованье, а пособіе вродѣ подачки отъ 40 до 80 рублей въ

годъ, да и только. Хорошо, если онъ въ тоже время и псаломщикъ (младшій по штату), но бываютъ и такіе курьезные случаи, когда онъ только учитель. Учитель одноклассной церковной школы получаетъ въ годъ 240, очень и очень рѣдко 300 руб., изъ коихъ 60 руб. должно получить изъ мѣстныхъ средствъ, часто вовсе и несуществующихъ. Ну, положимъ, что ему посчастливилось и онъ получилъ 300 рублей всѣми путями, но треть этого содержанія уходитъ на отопленіе и прислугу, а иногда, вдобавокъ, нужно нанимать квартиру, если зданіе для школы наемное и нѣтъ квартиры для учителя (пока это почти общее явленіе). Старшій учитель двухклассной церков. школы имѣетъ въ годъ 300, а старшій учитель второклассной школы 360 рублей—оба при тѣхъ же условіяхъ отсутствія квартиры, отопленія, прислуги и мѣстныхъ средствъ. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что большинство учителей министерскихъ школъ изъ двухкласснаго городского училища, а большинство учителей приходскихъ школъ со среднимъ образованіемъ. Эти роковыя цифры и портятъ весь престижъ церковной школы. Учитель ея ходитъ полу-голодный, оборванный, съ отталкивающими слѣдами разбитой груди. Чопорный деревенскій кулакъ, выдающій себя за аристократа, съ презрѣніемъ отъ него отворачивается. Насмѣшливыми взорами сопровождаетъ его щеголеватый дворянинъ. Порядочное семейство, соблюдая общественный этикетъ, боязливо и вызывающе косится на дырявый его костюмъ и сердито захлопываетъ за нимъ выходныя двери. И крестьянинъ, и дворянинъ, и аристократъ, и интеллигентъ одинаково не признаютъ его своимъ.

Вотъ почему церковная школа не могла добиться той высшей признательности, на которую она имѣла самыя священныя права. Она слишкомъ неизвѣстна въ своемъ внутреннемъ величій и слишкомъ замѣтна внѣшнюю невзрачностію. А между тѣмъ проста общественная психологія: что не блеститъ или особой протекціи не имѣетъ, то трудно прививается къ сознанію нашего общества. Но внѣшнимъ своимъ благоустройствомъ никого церковная школа удивить не могла, какъ это выше говорили, и въ тоже время особой покровительственной регламентаціи отъ правительства не имѣла, да и до сихъ поръ имѣть не могла.

И вотъ почему. Ближайшее управленіе церковной школой естественно должно находиться въ рукахъ ближайшаго представителя церкви—духовенства. Съ устраненіемъ духовенства отъ школьнаго дѣла самое названіе школы „церковной“ теряетъ свое значеніе. слѣдуетъ при этомъ помнить, что церковныя школы, по крайней мѣрѣ первоначальныя изъ нихъ, должны открываться главнымъ образомъ въ селахъ и деревняхъ и, слѣдовательно, должны быть управляемы сельскимъ духовенствомъ. Но спрашивается: многіе-ли изъ сельскихъ священниковъ были способны къ веденію школьнаго дѣла до сего времени? Если и теперь три четверти сельскаго духовенства (а въ Мингреліи ¹⁹/₂₀...) не имѣетъ образовательнаго ценза, то что-же могло

быть за 15—20 лѣтъ тому назадъ, т. е. ко времени появленія церковныхъ школъ при Императорѣ Александрѣ III-мъ? Вѣдь еще не остыли, пока видны слѣды того времени, когда въ церковныхъ документахъ попадалось такое баснословное для нашего времени выраженіе, что „за неграмотностью священника расписался такой-то“. Могло-ли правительство довѣрчиво и спокойно отдать школы въ руки такому духовенству и еще въ доказательство своей признательности къ этимъ школамъ обезпечить ихъ вдоволь, если даже имѣло тогда всѣ нужныя средства? Очевидно, нѣтъ. Можно было лишь попробовать, какъ бы, такъ сказать, позволить, чтобы духовенство имѣло свои школы, но чтобы окончательно узаконить школы въ рукахъ необразованнаго духовенства, да еще дать имъ правовое и матеріальное обезпеченіе, нужное для процвѣтанія сихъ школъ и для привлеченія къ нимъ массы,—это значило бы больше, чѣмъ при сомнительныхъ шансахъ ставить на карту духовное благо многомилліоннаго народа. Но вотъ Царь-Миротворецъ, возстанавливая церковную школу на исконныхъ ея историческихъ основахъ, потрясенныхъ реформами Петра Великаго, разрушенныхъ либерализмомъ Екатерины II-й и въ послѣдующія царствованія вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ государственной жизни молчаніемъ обойденныхъ, вызвалъ въ духовенствѣ лучшія чувства, соблагоизволивъ на всеподданнѣйшей по сему вопросу запискѣ Собственной рукой написать: „надѣюсь, что приходское духовенство окажется достойнымъ своего высокаго призванія въ этомъ важномъ дѣлѣ“. Прошло съ этого поистинѣ великаго дня всенадцать лѣтъ,—время, кажется, достаточное для того, чтобы спокойно и безпристрастно взглянуть на дѣло,—и чтоже оказалось? Духовенство блистательно выдержало испытаніе, доказавъ свою не только правоспособность, но и полноправность въ завѣдываніи дѣломъ народнаго просвѣщенія. Многіе сквозь увеличительное стекло смотрѣли на оо. завѣдывающихъ, съ злорадствомъ готовясь ухватиться хоть за какую нибудь сомнительную ниточку ихъ поведенія, но не нашли и тѣни того, чѣмъ въ католическомъ мірѣ такъ невыгодно скомпрометтировано главенство клерикаловъ въ народномъ воспитаніи. Напротивъ, искреннее желаніе и умѣніе постоять за вѣру, царя и отечество, трезвость, трудолюбіе, довольство малымъ, подчиненіе плоти духу—вотъ чему научила наша церковная школа тысячи своихъ питомцевъ. За все время она высоко держала знамя своего призванія. Это въ послѣднее время сознаютъ и тѣ, которые раньше горячо отрицали особую пользу церковной школы для массы.

Замѣчательна чуткость инстинктовъ престоноародья. Воистину Господь утаилъ истину отъ „премудрыхъ и разумныхъ“ и открылъ ее „младенцамъ“. Простой народъ часто чутьемъ сердца постигаетъ то, къ чему люди разсудка приходятъ чрезъ длинный рядъ сужденій и опытовъ. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Сельскій народъ, несмотря ни на какія ухищренія пропагандистовъ противъ „поповскихъ лачужекъ“, довѣрчиво и съ особою радостью

отдавалъ своихъ дѣтей въ эти „лачужки“, туда же самъ въ минуты досуга направлялся послушать чрезъ окно умное ученье, оттуда ожидалъ улучшенія своей будущности, освѣщенія окружающей его тьмы невѣдѣнія. Достоинно при этомъ особаго примѣчанія, что такимъ довѣріемъ церковная школа пользовалась и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ рядомъ съ церковною школою красовалась и министерская школа. А это весьма важно, если принять въ соображеніе, что у насъ по отношенію къ министерскимъ школамъ сельскія общества безусловно чѣмъ нибудь обязаны, часто даже цѣлымъ содержаніемъ школы и учащихся и обязательство это остается въ силѣ и для тѣхъ дворовъ, которые не имѣютъ и никогда не имѣли дѣтей въ той школѣ, которую обязаны содержать. Между тѣмъ мало-мальски толковый крестьянинъ, оставаясь въ обязательствѣ къ своей школѣ, безъ зазора совѣсти обходилъ ее и велъ своего сына въ церковную школу, хотя этимъ онъ навлекалъ на себя явный гнѣвъ селскаго правленія и, вдобавокъ, бралъ на себя новое обязательство, такъ какъ обученіе въ церковной школѣ если немного, то всежъ что нибудь да стоило иногда. Такъ, напр., въ нѣкоторыхъ нашихъ селеніяхъ и въ западной Грузіи въ особенности церковныя школы содержатся въ наемныхъ помѣщеніяхъ и плата за квартиру взыскивается съ учащихся отъ 2 до 3 руб. съ каждаго въ годъ, соразмѣрно съ годовой наемной платой. Тѣмъ не менѣе въ этихъ школахъ число учащихся всегда было больше, чѣмъ въ министерскихъ, находившихся тутъ-же, въ 10 саженьяхъ. Чѣмъ объясняется такой поступокъ крестьянина, всего копѣйками насчитывающаго свое наличное состояніе? Отвѣтъ оставляемъ на безпристрастный судъ читателя.

Но незавидному состоянію нашей школы нравственное сочувствіе прибавляло очень мало. Общество, не зная, что собственно предстоитъ церковной школѣ (многіе коварно нашептывали ему о совершенномъ упраздненіи этого типа школъ), мало, сравнительно съ желаніемъ рѣдко осмѣливалось оказывать ей серьезныя вспомошествованія. Казенный кредитъ былъ далеко недостаточенъ. Специальныхъ средствъ не было никакихъ. При такомъ положеніи дѣла матеріальная сторона главною своею тяжестью ложилась конечно, на рамена духовенства. И развѣ только матеріальная сторона? Прискать опытныхъ и благонадежныхъ учителей, поддержать престижъ школы въ глазахъ начальства и общества, терпѣніемъ одолѣть злыя выходы враговъ, создавать характеръ питомцевъ, одному наблюдать за всѣми сторонами школы,—все это, что составляло прямую обязанность батюшки-завѣдывающаго, есть роль по истинѣ геройская и трогательная. Но онъ мужественною грудью несъ многоотвѣтственное свое бремя, надѣясь, что не сегодня, такъ завтра замѣтятъ „градъ на верху горы стояй“, и стыдясь не оправдать довѣрія свыше. Въ этомъ священномъ рвеніи „оказаться достойнымъ своего высокаго призванія въ важномъ дѣлѣ“ духовенство съ апостольскимъ самоотверженіемъ презирало собственныя нужды и

въ то же время само выше и выше поднималось на лѣствицу знаний и опытовъ. И вотъ нынѣ новое „Положеніе“ съ высоты Престола провозглашаетъ, что духовенство, выросши умственно, нынѣ пользуется безусловнымъ довѣріемъ въ воспитаніи православнаго народа и что церковная школа, превратившись изъ ребенка въ зрѣлаго мужчину, достойна получить права и наслѣдство совершеннолѣтія. Оставивъ основной принципъ церковной школы неприкосновеннымъ, новое „Положеніе“ расширяетъ объемъ преподаваемыхъ въ ней предметовъ, въ генетическомъ порядкѣ поднимаетъ образовательный цензъ учащихся, точно опредѣляетъ права сихъ школъ и обеспечиваетъ учителей покамѣстъ настолько, чтобы можно было при условіяхъ сельской жизни жить безъ особой нужды. Но это не послѣднее слово, и „Положеніе“ между строками даетъ понять, какъ близко къ сердцу принимаетъ мудрый Монархъ-Просвѣтитель интересы церковной школы. Имѣемъ достаточное основаніе и будемъ надѣяться на еще болѣе свѣтлую будущность.—

II.

Особая задача церковной школы у насъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что особыя права и преимущества, которыя даетъ новое „Положеніе“ церковнымъ школамъ, даже нравственно и безъ писанныхъ регламентацій ставятъ о.о. завѣдывающимъ и гг. учителямъ сихъ школъ особую задачу въ ихъ святомъ призваніи. Задача эта прежде всего, конечно, церковная. Еслибы цѣль народнаго образованія ограничивалась однимъ лишь успѣшнымъ, хоть даже блестящимъ прохожденіемъ *учебнаго* курса, то не зачѣмъ было бы ставить народную школу подъ сѣнь церкви и руководство духовенства, такъ какъ въ этомъ нисколько не роняли себя гражданскія школы,—не зачѣмъ было бы усложнять и безъ того сложныя обязанности приходскаго духовенства. Самое названіе школы „церковною“ въ такомъ случаѣ не имѣло бы никакого специфическаго смысла въ отличіе отъ школъ вообще „первоначальныхъ“, „народныхъ“ или „сельскихъ“. Мало, даже очень мало значить въ этомъ отношеніи обученіе закону Божию. Если кто склоненъ думать, что церковная школа потому именно называется церковною, что въ ней достаточно проходятъ предметы церковнаго характера, то такое мнѣніе давно лишено разумнаго основанія и вытекаетъ изъ поверхностнаго взгляда на суть дѣла. Пройди какая нибудь школа весь академическій курсъ богословскихъ наукъ и тѣмъ не менѣе останется далеко не церковною при отсутствіи *нѣкотораго элемента* въ духовной ея жизни. Наоборотъ, какая нибудь школа не пройдетъ, быть можетъ, дальше 3—4 молитвъ, 2—3 священныхъ разсказаовъ, но въ то же время можетъ остаться въ буквальномъ смыслѣ церковною при *нѣкоторомъ условіи*. Этотъ нѣкоторый элементъ, это нѣкоторое условіе,

которыми опредѣляется видовая особенность школы, есть „распространеніе въ народѣ образованія въ духѣ православной вѣры и церкви“ (1 § „Положеніе о церковныхъ школахъ вѣдомства православнаго исповѣданія“), т. е. *чисто-церковное религиозно-нравственное воспитаніе*. Это воспитаніе и есть та особая задача, особая обязанность, которую и юридически, и нравственно возлагаетъ новое довѣріе Монарха-Просвѣтителя на завѣдывающихъ и учителей церковныхъ школъ. Никакими чудесами въ успѣхахъ обученія въ предѣлахъ программы, никакою даже научною подготовкою юношества, ничѣмъ инымъ на свѣтѣ, кромѣ редигозно-нравственнаго воспитанія, мы не достигнемъ главной нашей цѣли въ школьномъ дѣлѣ. Предметы, науки и дисциплина видоизмѣняютъ скорлупу народа, удовлетворяютъ главнымъ образомъ потребностямъ общежитія, а религиозно-нравственное воспитаніе дѣлаетъ самое главное и вѣчное—возвышаетъ и облагораживаетъ душу. Но особое наше призваніе воспитывать особенно душу.

Правда, такое воспитаніе души было главнымъ центромъ, откуда выходила и куда направлялась церковная школа всегда, за годъ, за 15—20 лѣтъ такъ же, какъ и въ первые вѣка христіанства, но нынѣ оно является особою задачею настолько, насколько оно отошло на второй планъ послѣ послѣдней (при Александрѣ Миротворцѣ) реставраціи церковной школы, съ введеніемъ учебныхъ программъ въ нее. Въ этомъ смыслѣ нравственное воспитаніе является какъ бы даже новою задачею нашей церковной школы.

И вотъ въ чемъ кроется причина такого нежелательнаго явленія. Ни для кого не тайна, что у насъ съ 1884 г. по сіе время шло усиленное, лихорадочно-безпокойное соревнованіе церковной школы съ гражданскою, министерскою школою. Быть можетъ или даже навѣрно, что въ этомъ не виноваты ни мы, ни гг. учителя министерской школы, оно вызвано самою жизнью, роковымъ закономъ борьбы за существованіе, но самый фактъ соревнованія не подлежитъ отрицанію. Соревнованіе это происходило главнымъ образомъ на почвѣ учебной. Возьмемъ для иллюстраціи одноклассную министерскую школу и одноклассную нашу церковно-приходскую. Программа предметовъ въ послѣдней гораздо больше, а тѣмъ не менѣе продолжительность учебнаго времени въ обѣихъ школахъ была одинакова. Многимъ учителямъ нашихъ школъ до сихъ поръ не было извѣстно, что въ школахъ для инородцевъ учебный курсъ можно было продлить четыре года, и разумѣется они были поставлены въ необходимость пройти въ три года программу коренно-русской приходской школы. Кому тутъ дѣло до нравственнаго воспитанія, когда и завѣдывающій, и учитель изъ кожи лѣзутъ, чтобы догнать учениковъ до конца программы. Спать не даютъ виднѣющіяся въ перспективѣ двойныя шпоры: выговоръ отъ начальства, что программа не пройдена, и стыдъ предъ сельчанами, что на годичныхъ испытаніяхъ ученики церковной школы будутъ отвѣчать не такъ бойко, какъ ученики министерской школы. Правду сказать, завѣдывающій и учи-

тель сельчанъ больше бояться чѣмъ начальства. Начальство еще кое-какъ урезонишь, ему представишь серьезныя причины, почему не пройдена программа, оно войдетъ въ ваше положеніе, но сельчанина... Охъ, него ничѣмъ не задобришь, если твой ученикъ попугайски шибко не забарабанилъ на экзаменахъ. Конецъ мая. Захотѣлъ мужикъ побездѣльничать и поплелъ въ министерскую школу. Тамъ сегодня экзамены. Стоитъ онъ у открытаго окна и слушаетъ, какъ ученикъ бойко кудахчетъ. Забралъ онъ въ голову, что здѣсь хорошо учать. А завтра въ приходской школѣ экзамены. Это онъ отъ сына слышалъ. Ну, давай туда на другой день. А тамъ стоитъ его сынокъ и съ остановками, передышками рассказываетъ о сложной исторіи страданій, смерти и погребеніи Спасителя. „Хорошъ рассказъ, но что это сынокъ съ трудомъ мямлетъ... не знаетъ... плохо учать“—подумалъ онъ и всему конецъ. Разнесетъ васъ по бѣлому свѣту, а на будущей годъ и за плату не дастъ вамъ сынка въ школу.

Нравственное воспитаніе сказывается послѣ, далеко позднѣ школы, а шибкій отвѣтъ заученнаго слишкомъ моментально бросается въ глаза. Къ тому же первое труднѣе втораго. И наша церковная школа понемногу, невольнo и незамѣтно соскользнула съ своей почвы и стала на путь гоненія по программѣ. Нынѣ къ великому сожалѣнію, въ большемъ ходу учителя, приучающіе своихъ учениковъ къ фонографической точности воспроизведенія словъ и выраженій книжныхъ, но мало обращающіе вниманіе на нравственный образъ ихъ. Между тѣмъ слѣдовало бы совсѣмъ наоборотъ. Чему бы вы ни учили своего питомца, сначала и, по крайней мѣрѣ, преимущественно учите его нравственности, дайте ему христіанскій образъ мыслей, уничтожьте въ немъ грѣховныя наклонности, направьте его сердце къ добру, а потомъ не трудно будетъ научить его и всему прочему: оно само приложится вамъ.... Не бѣда, если онъ не шибко расскажетъ „Блоха и муравей“ или „Котъ и пѣтухъ“, но бѣда ему и горе вашей совѣсти, если онъ не прочувствовалъ сердцемъ идеи этихъ рассказовъ. Не бѣда, если вашъ питомецъ забылъ, въ которомъ часу распяли Богочеловѣка, но бѣда ему и горе вашей совѣсти, если онъ не воспринялъ сердцемъ, къ чему обязываетъ насъ это распятіе. „Народная школа—говоритъ строгій христіанинъ по убѣжденіямъ и магистръ философіи по учености Келльнеръ въ своихъ „Мысляхъ“—должна образовывать исключительно нравственныхъ и разумныхъ членовъ человѣческаго общества вообще и отечества въ особенности. Этимъ она приобрѣтаетъ и сохраняетъ за собою свое истинное, отнюдь не низкое положеніе, такъ какъ, стремясь къ этой цѣли, она служитъ непреходящему, высоко поднимается надъ всѣми партіями общества и съ полнымъ правомъ можетъ требовать уваженія каждой изъ нихъ. Горе учителю, который этого не понимаетъ и оцѣниваетъ свое назначеніе не съ этой точки зрѣнія“. Неопустительное посѣщеніе богослуженія, нравственное воспріятіе смысла церковныхъ таинствъ и обрядовъ, слово Божіе,

кроткое и любвеобильное назиданіе—вотъ могучія, неизсякаемая средства, которыми всегда располагаетъ учитель церковной школы, чтобы—скажемъ словами того же мыслителя—„образовывать исключительно нравственныхъ и разумныхъ членовъ человѣческаго общества“.

Но употребляя сіи средства, учитель отнюдь не долженъ забывать, что ребенокъ есть существо неразвитое, глубоко воспринимаящее внѣшнія впечатлѣнія. Во многихъ отношеніяхъ душа ребенка есть чистая бумага, на которой можно писать что угодно. И вотъ на этой чистой бумагѣ прежде всего пишется то, что ребенокъ видитъ и слышитъ. Хорошій примѣръ старшаго, а въ данномъ случаѣ учителя, котораго ученикъ ставитъ себѣ образцомъ подражанія,—есть самое сильное средство воспитанія. Далеко не второстепенное вниманіе должны обращать учителя на эту столь часто забываемую особенность дѣтей души. Длинными тирадами поученій и наставленій не выкупаетъ учитель одного сквернаго слова, сказаннаго имъ кому нибудь при ученикахъ. Годами воздержанія не выкинетъ учитель изъ души питомца впечатлѣнія отъ одной минуты своей нетрезвости. Трехчасовымъ колѣностояніемъ не изведешь яда, влитаго въ воображеніе ребенка одною твоею неосторожною улыбкою въ церкви. Разъ покажешь примѣръ непочтенія къ святынѣ, нравственности или личности—все кончено; всѣ дальнѣйшіе твои труды по воспитанію будутъ безплодны и лицемѣрны.

Между тѣмъ сколько мы съ вами, читатель, знаемъ такихъ учителей, которыхъ называютъ образцовыми, у которыхъ обученіе и дисциплина ведется завидно, но которые мало обращаютъ вниманіе на образъ своей жизни, дѣйствующій заразительно на его питомцевъ. Сердце ноетъ, когда видишь, что въ такомъ то „опытномъ и хорошемъ учителѣ“ нравственность не соотвѣтствуетъ его таланту и умѣнію,—когда видишь, что способный учитель забываетъ одну изъ вѣчно-юныхъ истинъ: учителю предосудительно и то, что дозволено другому, не—учителю. Если судить безпристрастно, нужно сознаться, что учитель, раскуривающій папиросу при ученикахъ или зобѣгающій въ лавку за стаканчикомъ пива—очень плохой воспитатель. Вотъ какъ обрисовываетъ эту область такъ называемаго „нравственно безразличнаго“ Г. Товарищъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода въ рѣчи своей, сказанной въ 1897 году при открытіи учительскихъ курсовъ въ Петербургѣ. „Знайте,—говоритъ онъ учителямъ,—что по дѣламъ вашимъ будутъ судить и о вашихъ питомцахъ, а потому всемѣрно избѣгайте всего, что можетъ мѣшать успѣху вашей просвѣтительной дѣятельности. *Ограничивайте себя даже въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя при другой, не учительской обстановкѣ, могли бы казаться не предосудительными.* Живите согласно съ уставами святой церкви, не нарушайте постовъ, старайтесь *не курить*“.

Таковъ взглядъ высшаго начальства на учителя, высказанный однимъ изъ его представителей, таковы и требованія основной цѣли церковной школы.

Оо. завѣдывающіе и гг. учителя! Если мы будемъ денно и ночью охоты объ умственномъ невѣжествѣ нашего народа или, поднявъ бокалъ, сто разъ пожелаемъ процвѣтанія нашему отечеству, то никакой особой, даже ни малѣйшей услуги этимъ никому и ничему не окажемъ. Но если дружно и самоотверженно поработаемъ на учебной нивѣ и воспитаемъ истинно-нравственныхъ, глубоко-религіозныхъ гражданъ, проникнутыхъ сознаниемъ долга и правилъ общежитія, то этимъ мы оправдаемъ питаемое къ намъ довѣріе свыше и устремленныя на насъ надежды младшихъ братьевъ, этимъ мы создадимъ свѣтлую будущность своего отечества и не словомъ только, но и дѣломъ докажемъ, что мы достойные потомки славныхъ своихъ предковъ.

Священникъ *И. Шубладзе*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ ЮВЪ.

(Религіозно-нравственная поэма).

(Продолженіе *)

П ъ с н ь X.

«Къ чему съ укоризною, другъ, говоришь»—
 Къ страдальцу Вилдадъ обратился—
 «И въ безднѣ отчаянья мыслью паришь,
 Какъ будто бы Богъ отвратился?
 Твой сыновья согрѣшили предъ Нимъ,
 И Онъ допустилъ, безъ сомнѣнья,
 Погибнуть ужасною смертію имъ
 За всѣ отъ добра уклоненья.
 И кто въ состояннѣ подумать бы могъ,
 Что правду и судъ измѣняетъ
 Въ неправду и ложь правосуднѣйшій Богъ,
 И грѣхъ въ добродѣтель вмѣняетъ?
 Но если дѣйствительно сердцемъ своимъ
 Ты ищешь Создателя—Бога,
 И если, какъ звѣзды на небѣ, предъ Нимъ
 Свѣтла твоей жизни дорога,

*) См. „Дух. Вѣстн. Грузин. Экзархата“ № 4-й 1903 г.

То нынѣ же бодрствовать Онъ надѣ тобой—
 Твореніе ль свое позабудетъ?—

Надѣ всею дальнѣйшею твоею судьбой
 Могушекъ силою будетъ.

Напомню тебѣ изъ сѣдой старины
 Людей первобытныхъ сказанья,

На свѣтъ извлеку я изъ той глубины
 Вѣковъ отдаленныхъ преданья.

Какъ море въ зеркальной поверхности водъ
 Небесъ синеву отражаетъ,

Такъ въ этихъ преданіяхъ древній народъ
 Всю мудрость свою сохраняетъ.

Растетъ ли безъ влаги тростникъ на землѣ,
 Жарю полдневной палимый,

И въ мрачной, какъ ночь непроглядная, тьмѣ
 Останется ль онъ невредимымъ?

И развѣ роскошный цвѣтокъ полевой,
 Сожженный лучами, не вянетъ?

И снова отъ капли одной дождевой
 Онъ къ жизни своей не воспрянетъ?

Причина и слѣдствие между собой
 Въ сожительствѣ тѣсномъ бывають,

Какъ волны морскія прибой и отбой
 На берегъ всегда посылають.

Повсюду замѣтна и въ жизни людей
 Такая же смѣна явленій:

Правдивые сердцемъ не знаютъ скорбей,
 Не вѣдаетъ зло наслажденій».—

«О другъ мой»,—Вилдаду страдалецъ сказалъ,—
 «Ты судишь какъ будто правдиво,

Не опытъ ли внѣшній тебѣ подсказалъ,
 Что слово твое справедливо?

Но можетъ ли нашъ ограниченный умъ
 Съ небеснымъ Умомъ препираться,

Когда и во множествѣ собственныхъ думъ
 Не въ силахъ подчасъ разобраться?

Возможетъ ли смертный, въ сравненіи съ Нимъ,
 Планеты надзвѣзднаго міра

Создать изъ ничтожества словомъ однимъ
 И бросить ихъ въ волны ээира?

Хотя и судилъ мнѣ Божественный духъ
 Принять отъ Него испытанье,

Повѣрь, не за грѣхъ, мой испытанный другъ,
 Терплю въ этой жизни страданье!»

Священникъ *Н. Покровскій*.
 (Продолженіе слѣдуетъ).

Но слѣдуетъ повѣдать и о началѣ и причинахъ сего удивительнаго произшествія, такъ какъ этого желаетъ большинство ¹⁾).

Тогда Магометъ началъ проповѣдывать (новое) вѣроученіе. Постепенно за нимъ послѣдовали многіе, которыхъ онъ училъ, что кто убьетъ врага или же будетъ имъ убитъ—оба спасутся. Блаженную же жизнь въ раю полагалъ въ ѣдѣ, питьи и ненасытномъ блудодѣйствѣ. И въ такомъ родѣ возвѣщалъ многое сообразно съ знаніемъ и разумѣніемъ своимъ.

Этотъ Магометъ во главѣ многочисленнаго народа встрѣтилъ царя Ираклія, когда послѣдній возвращался изъ Персіи на пути въ Іерусалимъ, и просилъ его пожаловать ему страну, гдѣбы онъ могъ поселиться вмѣстѣ съ послѣдователями его вѣроученія. Царь же Ираклій подарилъ ему землю, которую онъ изо дня въ день расширялъ и умножалъ. Послѣ своей смерти Магометъ оставилъ преемникомъ себѣ Абуфартона ²⁹⁾, который открылъ горячую борьбу съ греками и побѣдилъ ихъ. И съ того времени онъ много зла причинилъ Греціи; и за симъ необычайно возросли численность и силы ихъ по поущенію Божию за умноженіе беззаконій и грѣховъ нашихъ.

Послѣ того славнаго чуда, когда Пресвятая Богородица спасла свой городъ и защитила его безъ потерь отъ руки скивоовъ и персовъ, когда Ираклій воевалъ въ Персіи ³⁰⁾, протекло тридцать шесть лѣтъ ³¹⁾, и тогда самодержавіе царства принялъ Константинъ Великоподбородокъ ³²⁾. Тогда опять поднялись огромныя полчища ага-

¹⁾ См. «Духовный Вѣстникъ Грузин. Экзархата» № 5 1903 г.

²⁹⁾ Въ рукописи 1042 г. онъ названъ Абувартопъ.

³⁰⁾ Въ 624—632 г.

³¹⁾ Т. е. 632+36=668 г.

³²⁾ 36 годъ послѣ возвращенія Ираклія изъ персидскаго похода (въ 632 г.) дѣйствительно падаетъ на 668 г., т. е. на первый годъ царства-

рянь, хорошо вооруженныя и приготовленныя (къ продолжительной осадѣ) и подошли къ Константинополю. Они быстро причалили къ берегу моря со стороны Евдома и ежедневно воевали на судахъ. Осада же, начавшаяся съ весны, продолжалась до сбора винограда *). Когда же наступила зима, станъ варваровъ снялся и сталъ лагеремъ въ Кизикъ. Къ началу же наступленія теплаго времени они опять снимались и возвращались туда же, гдѣ прежде были (осаждая столицу). И такъ они непрерывно продолжали войну со стороны моря. По поущенію Бога за множество согрѣшеній нашихъ эта война продолжалась семь лѣтъ.

Но всесильный и челоѵколюбивый Богъ всѣ старанія враговъ обратилъ въ погибель ихъ, силою Своею наведши на нихъ трепетъ, вслѣдствіе чего весь Сарацинскій лагерь снялся, чтобы спастись бѣгствомъ, а огромное число вражескихъ судовъ, окружавшихъ городъ, снявшись, также исчезло, освободивъ столицу. Враги возвратились вспять вмѣстѣ съ навезенными ими для борьбы военными орудіями и съ безчисленнымъ множествомъ воиновъ. Враги ушли въ свою сторону, съ помощію Бога, безъ всякаго успѣха и съ пустыми руками. Когда же бѣжавшіе приблизились къ окрестностямъ Свилеоса, поднялся сильный порывистый вѣтеръ, который, какъ праведный судъ Божій, сильно напирая на корабли, совершенно уничтожилъ и погубилъ всѣ корабли (съ пассажирами).

Такимъ же образомъ въ разное время (часто) производять ³³⁾ нападеніе на богохранимый сей городъ эти отверженные Богомъ (сарацины), полные ярости и бѣснующіеся порывами остервененія, но непобѣдимую силою Божьей они обращаются вспять съ пустыми руками, полные стыда.

Однако могущество этихъ злыхъ Измаильтянь распространилось отвсюду и повсюду, во всѣ стороны отъ востока до запада, а чи-

нія Константина Погоната (+685). Такимъ образомъ описанная въ настоящей лѣтописи осада Константинополя, длившаяся семь лѣтъ, падаетъ на 669—677 годы.

*) Т. е. до октября.

³³⁾ Употребленіе сказуемыхъ въ настоящемъ времени («производять» «обращаются»), кажется, указываетъ на то, что настоящая историческая запись сдѣлана въ то время, когда еще продолжались нападенія арабовъ на Константинополь, т. е. до конца VIII в.

сленность и сила ихъ превзошли всякую мѣру. Сначала они заняли персидское царство, затѣмъ покорили Египетъ и Лубію³⁴⁾. Они дали обѣщаніе христіанамъ, что никого не будутъ принуждать измѣнять безпорочной вѣрѣ христіанской, дозволяя всѣмъ сохранять православіе. Но этого обѣщанія они не исполнили, и многіе изъ христіанъ приняли мученическую смерть, дабы не позволить невѣрующимъ попить знамя честнаго Креста, такъ какъ этого именно добивались враги, употребляя насиліе надъ всѣми христіанами. Словомъ сказать, сарадины наводнили и разорили весь міръ: они прошли взадъ и впередъ, все опустошая, Индію, Египцію и страну Чернокожихъ, Увію³⁵⁾ и Спанію³⁶⁾, а послѣ всего этого они пошли войною противъ сего царскаго града, намѣреваясь завоевать его.

Но царь Левъ Исавръ³⁷⁾, который въ то время управлялъ царствомъ, заключилъ съ ними условіе, по которому обѣщался платить имъ ежегодно опредѣленную дань. Но они все же домогались ввести въ городъ свою стражу, поставить своихъ людей въ укрѣпленіяхъ города и вообще производили насиліе съ цѣлью захватить городъ, ибо они надѣялись на многочисленность своей арміи, состоявшей какъ изъ чистыхъ Сарадинъ, такъ и изъ другихъ народовъ (принявшихъ магометанскую вѣру), равно и на военныя суда, особо снаряженныя (и вооруженныя), изъ коихъ наилучшихъ было числомъ одна тысяча восемьсотъ, снабженныхъ всѣми нужными военными сооруженіями (и припасами), исчисленными и установленными, какъ это описано въ книгахъ для воспоминаній, (извѣстныхъ подъ именемъ) *Хоноіофросъ*³⁸⁾.

Но эти звѣри не сдержали даннаго ими твердаго обѣщанія и со всею своею арміею расположились лагеремъ противъ городскихъ стѣнъ. Эти заблудшіе борцы противъ Христа произвели въ то время довольно стремительное нападеніе на стѣны города (но не имѣли

³⁴⁾ Т. е. Ливію.

³⁵⁾ Зувюль.

³⁶⁾ Испанію.

³⁷⁾ 717—741 г. Воцарился въ мартѣ 717 г.

³⁸⁾ Очевидно, все это подробно описано было въ какой-то исторической книгѣ (Хронографъ?), которою авторъ настоящаго повѣствованія пользовался, называя ее «Хоноіофросъ».

успѣха), ибо (значительная часть осаждавшихъ) возвратилась для устройства своего мѣстопребыванія; они торопились выстроить себѣ жилища³⁹⁾. Они порывались, какъ бѣшенныя собаки, стервенѣли какъ (люди), лишившіеся ума и сознанія. Но истинно то, что Богъ связывалъ и останавливалъ ихъ, не допуская ихъ творить зло (христіанамъ) и разбивая злые помысли враговъ.

Между тѣмъ въ этомъ великомъ городѣ христіановѣ жители непрестанно совершали обычныя литіи и молитвы со слезами и горячими благопристойными смиренными моленіями Богу. Наконецъ, (молящіеся) взяли (въ руки) преславное древо Креста Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа и святую икону пречистой Богородицы и обошли вокругъ стѣнъ города и поднявъ руки къ Богу, возглашали: „Возстани, Господи и не оставляй насъ совершенно, посмотри на народъ твой, находящійся въ отчаяніи, ибо вотъ враги Твои подряли головы, и ненавидящіе Тебя вопіють; не допусти поносить наслѣдіе Твое и не позволяй властвовать надъ нами язычникамъ, которые не исповѣдуютъ святого Твоего имени, но да явлено будетъ имъ силою Твоею имя Твое святое Господа Иисуса Христа во славу Бога Отца“.

Одинъ воинъ изъ вражескаго стана, изъ-за городскихъ стѣнъ устремивъ взоры въ городъ, увлекаемый діаволомъ, сталъ произносить хулы и въ оскорбительныхъ выраженіяхъ называлъ городъ Константианою, а св. Софійскій храмъ — Софіею; и какъ бы наострялось остріе діавола, ибо въ ту же минуту взбѣсилась лошадь, на которой онъ сидѣлъ и провалилась въ опасный ровъ, и хулитель, разбившись, испустилъ духъ.

Еще случилось, что когда глашатай собранія ихъ, поднявшись на высокую деревянную башню, которую они называютъ Мизгитъ (минаретъ), сталъ громко возвѣщать богопротивную свою молитву, то онъ моментально лишившись зрѣнія, сталъ биться, упалъ съ большой высоты и погибъ злою смертію.

Затѣмъ враги вознамѣрились открыть войну Болгарамъ и вступить съ ними въ бой. Для этого армія ихъ раздѣлилась на два во-

³⁹⁾ Двѣ предыдущія фразы въ грузинскомъ оригиналѣ довольно темно выражены.

еначальства: одно военачальство осталось продолжать осаду сего царскаго града, а другой военачальникъ со всѣми своими силами выступилъ въ походъ противъ Болгарь. Произошла между ними битва; Измаильтяне оказались побѣжденными; однихъ Измаильтянъ легло на мѣстѣ болѣе двадцати тысячъ, а тѣ изъ Измаильтянъ, которымъ удалось спастись отъ меча Болгарь, возвратились къ (оставленнымъ подь стѣнами города) товарищамъ, отъ которыхъ отдѣлились, покрытые великимъ стыдомъ.

По возвращеніи изъ этого похода, сарацины (осаждавшіе городъ) вознамѣрились произвести морскую атаку на судахъ со стороны Влахернской, но достигнувъ Перама, замѣтили, что отъ Ерама (Перама?) до дворца (პალატადე) протянута (въ морѣ) цѣпь, которая (неожиданно) остановила ихъ. Итакъ затѣянная атака не удалась ⁴⁰⁾.

Поэтому осаждавшіе, возвратившись, поднялись до Стеноса и всѣ суда направились въ бухту, которая носитъ названіе Сустень, ибо настала суровая зима, подули вѣтры. По этой причинѣ враги спѣшили укрыться въ другія малыя бухты. Но судна ихъ были сокрушены отъ силы вѣтра, а наибольшіе корабли ихъ греки истребили огнемъ.

Городъ же Константинополь бѣдствовалъ по причинѣ оскуднѣнія въ городѣ пищи. Агаряне же безъ стѣсненія ѣли все, что находили и ничѣмъ не брезгали, что только могло идти въ пищу. Голодъ былъ столь ужасный, что, за неимѣніемъ пищи, сарацины поядали, небрезгая, нечистыхъ животныхъ и даже человѣческое мясо. Дошло даже до того, что небольшое количество человѣческаго кала смѣшивали съ тѣстомъ и, испекши, ѣли. Подобныя бѣдствія деморализовали враговъ.

Но Господь спасъ Свой городъ невредимо отъ многихъ подобныхъ (столкновеній) и знаменитыхъ нападений (со стороны) враговъ, которымъ Онъ опредѣлилъ такую же участь, какая постигла Египтянъ, преслѣдовавшихъ Израильтянъ и потонувшихъ въ глубинѣ моря и въ волнахъ бездны. Такъ случилось и съ этими (преслѣдователями народа Божія), стѣсненные со всѣхъ сторонъ и сокрушенные, они, поднявшись, обратились въ бѣгство, стремясь возвратиться въ свои

⁴⁰⁾ Весь этотъ § въ подлинникѣ значительно поврежденъ.

жилища. Но когда главная непріятельская армія на судахъ достигла той мѣстности, которая называется Егеонъ Пелопонъ⁴¹⁾, вдругъ разразился на нихъ гнѣвъ свыше: поднялась страшная буря, отъ которой клочкотали глубины волнъ, а съ неба посыпался страшный градъ. Какъ накаленное отъ огня желѣзо приводитъ воду въ состояніе кипѣнія, такъ и этотъ крупный градъ, подобный большимъ каменнымъ глыбамъ, съ огромною скоростью разсѣкая морскія глубины, вскипятилъ все море подобно огню; а отъ разгоряченныхъ до кипѣнія волнъ растаяла смола, которою склеены были деревянныя части военныхъ кораблей. Послѣдніе, расклеившись, моментально опускались въ морскія бездны и погибали. Такъ погибъ по провидѣнію Божію весь вражескій многочисленный военный флотъ, отъ котораго осталось только десять судовъ "...

Здѣсь кончается историческая часть разсказа и дальше излагается главнымъ образомъ назиданіе. Авторъ молитъ пресвятую Богородицу о соединеніи всѣхъ христіанъ противъ враговъ церкви и объ ослабленіи среди христіанскихъ народовъ зависти, споровъ, неурядиць, возстаній и т. п.

О. Жорданія.

1902 г. мая 17 дня.

Мусульманскія секты въ Персіи и Закавказскомъ краѣ

(Продолженіе *).

Нусейрия. По ученію этой секты, Али не есть Богъ, но Богъ, любя Али и его двухъ сыновей, Хасана и Хусейна, временно воплотился въ нихъ, каковое воплощеніе кончилось со смертію ихъ.

Муфазя. По ученію этой секты, Богъ сотворилъ міръ, управление которымъ поручилъ имаму Али-ибнъ-Абуталибъ. Послѣдній управляетъ и будетъ управлять міромъ.

Гурабия (гурабъ—ворона). По ученію этой секты, Мухаммедъ и Али занимаютъ въ исламѣ равносильное положеніе. Въ этомъ отношеніи они, пообно двумъ воронамъ, похожи другъ на друга. Основатель секты неизвѣстенъ.

⁴¹⁾ Пелопонезское море.

*; См. «Дух. Вѣстникъ Грузинскаго Экзархата» № 5 1903 г.

Гунисия—секта, признающая только Мухаммеда и Али. По учению этой секты Богъ живетъ выше всѣхъ небесъ и носится по безконечному пространству вселенной на крыльяхъ ангеловъ. Подобно тому, какъ тонкія ноги аиста носятъ большое и сильное тѣло, такъ слабосильные ангелы носятъ на своихъ крыльяхъ всеильнаго и могущественнаго Бога.

Сулейманія. По учению этой секты, халифы Абу-Бекръ и Омаръ также были законными имамами, какъ Али и его потомки; но халифа Османа не признаютъ. Вдову пророка Айшу, Моавію и всѣхъ воевавшихъ съ Али за укрывательство убійцъ Османа, называютъ кяфурами (гяурами) и проклинаютъ. Основателемъ секты былъ Сулейманъ-ибнъ-Джариль, именемъ котораго она и названа.

Салия—секта, признающая ученіе Сулеймана-ибнъ-Джарила, со включеніемъ въ число имамовъ и халифа Османа. Основателемъ секты считается нѣкто Хасанъ-Сали-оглы.

Рзамія—секта, по учению которой званіе имама перешло отъ Али къ сыну его, Мухаммеду Ханафію (сыну Ханафитянки), отъ послѣдняго къ сыну его Абу-Гашиму и его потомкамъ до Абу-Муслима, хоросанскаго жителя, причемъ послѣдній не умеръ, а взятъ живымъ на небо. Основателемъ секты былъ нѣкто Рза-ибнъ-Шако, прозванный Алмоканна (закрытый). Скрывая безобразіе своего лица, онъ ходилъ въ маскѣ.

Бинанія—секта, признающая то-же ученіе, что и Рзамія, съ прибавленіемъ, что званіе имама отъ Абу-Муслима перешло къ Бинану-ибнъ-Самъ-ана.

Кисаани. Основателемъ секты былъ Мухтаръ-ибнъ-Абу-убейда, рабъ имама Али, прозванный кисааномъ (мудрымъ). Послѣдователи этой секты признаютъ четырехъ имамовъ: Али, его сыновей Хасана и Хусейна и Мухаммеда Ханафія. Послѣдній происходитъ отъ второй жены Али—Хулэ, изъ Ханафа, на которой онъ женился послѣ смерти Фатьмы.

Зейдія—ученіе, признающее пять имамовъ: Али, Хасана, Хусейна, сына послѣдняго—Али, извѣстнаго подъ именемъ Зейналъ-Абдина, и Зейда-ибнъ-Али, именемъ котораго и названа секта.

Новусія—ученіе, признающее шесть имамовъ: Али, Хасана, Хусейна, Зейналъ-Абдина, Мамедъ-Багира и Джафаръ-Садыка. Секта названа по имени одного человѣка изъ селенія «Новусъ», въ Аравіи, котораго считаютъ основателемъ ея.

Исмаилія. Послѣдователи этой секты признаютъ семь пророковъ: Адама, Ноя, Авраама, Моисея, Иисуса Христа, Мухаммеда-ибнъ-Абдуллахъ и Мухаммеда-Мехти. Послѣ каждаго изъ семи пророковъ слѣдовало по семи имамовъ, причемъ послѣ Мухаммеда-ибнъ-Абдуллахъ имамами были: Али, Хасанъ, Хусейнъ, Зейналъ-Абдинъ, Мамедъ-Багиръ, Джафаръ-Садыкъ и Исмаиль-ибнъ-Джафаръ-Садыкъ. Секта названа именемъ послѣдняго.

Фатія—секта, признающая семь имамовъ: всѣхъ предыдущихъ, за

исключеніемъ Исмаила, вмѣсто котораго послѣдователи секты признають Абдуллаха-Афтага—брата Исмаила ибнъ Джафаръ-Садыка (Афтага тоже, что Фатигя, что означаетъ курносый).

Вакифия—секта, признающая восемь имамовъ: Али, Хасана, Хусейна, Зейналь-Абдина, Мамедъ-Багира, Джафаръ-Садыка, Абдуллаха-Фатигя и Муса-Кязума. Названіе секты происходитъ отъ арабскаго слова «вакфъ», что означаетъ послѣдняя ступень.

Айлъ-хашгатъ, то есть послѣдователи истины. Секта эта признаетъ за истину только то, что послѣдователямъ ея открывается сверхъестественнымъ путемъ. По ученію этой секты, чтобы достигнуть воспріятія истины, должно усвоить себѣ предварительно два основныхъ начала: во первыхъ, любовь къ людямъ, какъ основаніе, на которомъ зиждется всякая нравственность; во вторыхъ, исполненіе цѣлаго ряда обрядовъ, цѣлью которыхъ путемъ всевозможныхъ мучительныхъ лишеній и страданій, умертвить въ себѣ плоть, одухотвориться и стать достойнымъ непосредственно воспринимать «айлъ-хашгатъ»—истину. Наибольшее число послѣдователей этой секты—нищенствующие дервиши. Основателемъ ея былъ дервишъ, имя котораго осталось неизвѣстнымъ. Особенность ученія этой секты заключается въ томъ, что она признаетъ только одного истиннаго имама, Али, единственнаго послѣ Магомета, получавшаго откровенія непосредственно отъ Бога. Остальные имамы были только послѣдователями Али, его апостолами, но сами въ себѣ никакой святости не носили.

Иснаашаря (отъ арабскаго слова иснаашаръ, что означаетъ двѣнадцать)—поклонники всѣхъ двѣнадцати имамовъ: Али, Хасана, Хусейна, Зейналь-Абдина, Мамедъ-Багира, Джафаръ-Садыка, Муса-Кязума, Али-Рзы, Мухаммеда-Таги, Алиана-Наги, Гасана-Аскери и Мухаммеда-Мехти (имамъ-магди, то-же, что имамъ—мессія).

Секта иснаашаря или иснаашаридовъ наиболѣе многочисленная и самая сильная изъ всѣхъ шиитскихъ сектъ; она дѣлится на двѣ отдѣльныя секты: на усулидовъ (усули—коренное) и шейхидовъ (шейхи). Послѣдняя въ свою очередь дѣлится на нѣсколько второстепенныхъ сектъ, каждая изъ которыхъ служить дальнѣйшимъ развитіемъ идей секты шейхидовъ. Къ усулидамъ принадлежатъ: шахъ, его дворъ и большинство правительственныхъ въ Персіи лицъ. У насъ, въ Закавказскомъ краѣ, громадное большинство мусульманъ-шиитовъ также принадлежитъ къ усулидамъ. Это—самая консервативная изъ всѣхъ мусульманскихъ шиитскихъ сектъ. Наиболѣе важнымъ догматомъ ея считается безусловное подчиненіе всѣмъ имамамъ изъ семейства Али.

Основные религіозные догматы иснаашаридовъ, къ какой бы сектѣ они ни принадлежали, суть: вѣрованіе въ безусловное единство и всемогущество Бога—создателя и правителя вселенной, вѣрованіе, что религія Божія есть исламъ (кор. сура III, 17), почитаніе 124,000 пророковъ, пяти посланниковъ

(результ) Бога: Ноя, Авраама, Моисея, Иисуса Христа и Мухаммеда (каждый изъ нихъ считается выше своего предшественника), съ двѣнадцатю имамами послѣ каждого изъ нихъ, безусловное вѣрованіе въ божественное посланничество Мухаммеда и почитаніе слѣдовавшихъ за нимъ двѣнадцати имамовъ, во главѣ коихъ стоитъ обоготворяемый Али, совершеніе омовенія лица и рукъ до локтя, вытираніе головы и ногъ до пятокъ (кор., сура v, 8), совершеніе пяти намазовъ въ сутки ⁶⁾, соблюденіе: постовъ, паломничества въ Мекку (кор., сура XXII, 28) и установленныхъ обходовъ вокругъ храма «Кааба» (кор., сура XXXII, 30 ⁷⁾, вѣрованіе въ пришествіе послѣдняго изъ имамовъ—Мухаммеда-Мехти, считающагося не умершимъ, а живымъ, но скрывающимся отъ взоровъ людей ⁸⁾. Мухаммедъ-мехти придетъ въ сопровожденіи Иисуса Христа, пейгамбера Мухаммеда, Али и Фатьмы. Послѣдніе три, говорятъ иснаашариды, принесутъ первому жалобу на омейядовъ и ихъ приверженцевъ за совершенныя ими въ Кербеле злодѣянія. Омейяды и ихъ приверженцы будутъ воскрешены и отошчены. Тѣмъ временемъ Иисусъ Христосъ задушитъ Деджалу (тоже, что апокалипсическій антихристъ) и обратитъ всѣхъ немусульманъ въ мусульманство. Послѣ этого Мухаммедъ-мехти совершитъ торжественное и послѣднее на землѣ богослуженіе и будетъ убитъ одною борогатою женщиною. Иисусъ Христосъ, Мухаммедъ, Али и Фатьма умрутъ. Велѣдъ за ихъ смертью, придутъ, одинъ за другимъ, всѣ имамы, начиная съ Хасана-ибнъ-Али и кончая Мухаммедомъ-мехти, которые на этотъ разъ умрутъ естественною смертью ⁹⁾. Послѣ смерти послѣдняго, ангелъ Исафилъ зазвучитъ въ трубу и всѣ люди на землѣ падутъ мертвыми. Пройдетъ нѣкоторое время, въ теченіе котораго земля превратится въ чистое и ровное поле, на которое спустятся небеса. Затѣмъ ангелъ Исафилъ вновь зазвучитъ въ трубу и люди возстанутъ изъ мертвыхъ. Тогда-то наступитъ страш-

⁶⁾ Пяти намазамъ (2 рано утромъ—доразсвѣтная и утренняя, 1 въ полдень и 2 вечеромъ—вечерняя и ночная) придается громадное значеніе, такъ какъ число молитвъ и обязанность молиться установлено самимъ Богомъ: «Я Богъ, нѣтъ другого Бога, кромѣ Меня. Такъ почитайте Меня и въ воспоминаніе о Мнѣ творите молитву» (кор., сура XX, 14).

⁷⁾ Для прибывающихъ въ Мекку изъ дальнихъ странъ обязательенъ двукратный обходъ, а для живущихъ вблизи Мекки и въ самой Меккѣ—сколько каждый пожелаетъ, во всякомъ случаѣ больше трехъ разъ. Первоначальное построеніе храма «Кааба» приписывается Аврааму на мѣстѣ, указанномъ ему Богомъ (кор., сура XXII, 27, 28, и 29).

⁸⁾ Шиты убѣждены, что Мухаммедъ-мехти скрылся въ долину Тигра, въ мѣстности, называемой «Сура-мень-раа» (радуйся тотъ, кто увидитъ это мѣсто) во время халифа Мутавеккиля (847—861).

⁹⁾ Извѣстно, что всѣ имамы умерли насильственной смертью, такую же смертью долженъ умереть и Мухаммедъ-мехти.

ный судъ и Богъ станетъ судить людей по ихъ заслугамъ: достойные — будутъ взяты въ рай, а недостойные — ввергнуты въ адъ.

Въ прежнія времена всѣ секты мусульманскія проистекали изъ споровъ, возникавшихъ какъ изъ толкованіи различныхъ историческихъ событій въ исламѣ, такъ и изъ различныхъ противорѣчивыхъ толкованій корана и другихъ священныхъ книгъ, исключительно мусульманскихъ. Никто изъ мусульманъ, какого бы то ни было умственного направленія, не исключая даже относившихся къ религіознымъ вопросамъ съ философскимъ критицизмомъ, не допускали возможности знакомства съ религіозными ученіями другихъ народовъ. Имъ не была чужда философія Платона и Аристотеля, ученія перипатетиковъ и неоплатониковъ; они охотно углублялись въ изученіе мифологій и вѣрованій древнихъ персовъ, индусовъ и другихъ восточныхъ народовъ; но съ гордымъ презрѣніемъ отворачивались отъ изученія христіанскихъ священныхъ книгъ и преданій. Даже такіе философы, какъ Аверроэсъ, Авиценна, Абубекръ-ибнъ-Тофайль, Абушаръ Алта-зани и др., чуждались христіанскихъ богословскихъ трактатовъ. Но начавшіяся съ начала текущаго столѣтія частыя общенія мусульманъ съ европейцами и болѣе или менѣе близкое знакомство съ ихъ нравами, обычаями и образомъ жизни неизбежно подвинули впередъ на пути умственного развитія и признанныхъ охранителей мусульманскаго правовѣрія, переставшихъ смотрѣть на ознакомленіе съ священными книгами христіанъ какъ на непростительный грѣхъ, равный вѣроотступничеству. Ничто такъ не содѣйствуетъ усвоенію идей и даже цѣлыхъ ученій, какъ взаимное сближеніе между народами. Изъ дальнѣйшаго, хотя и краткаго, изложенія вновь возникшихъ на почвѣ шіизма сектъ, видно, какъ сильно и неотразимо было вліяніе идей христіанства на ихъ возникновеніе. Знакомство съ ветхимъ и новымъ завѣтами показало мусульманамъ, что многое изъ того, что излагается въ коранѣ, находится и въ нихъ, но въ болѣе стройномъ порядкѣ и зъ которыхъ религіозно-нравственныя истины очевидны безъ толкованій вкривъ и вкось. Обстоятельство это не только еще больше увеличило число сектъ въ шіизмѣ, но послужило одною изъ причинъ возникновенія критическихъ отношеній къ самому корану. Критика, какъ это всегда бываетъ, повела къ сомнѣніямъ и усиленной работѣ религіозно-философской мысли. Какъ и слѣдовало ожидать, критиками-раціоналистами явились ученые муштехиды и муршиды; и они не только стали находить въ коранѣ противорѣчія, не только стали отвергать возможности указанныхъ въ немъ чудесъ, какъ несоотвѣтствующихъ здравому смыслу, какъ напримѣръ, разсѣченіе луны пророкомъ на двое, ночное его путешествіе (кор., сура XVII, 1), нисхожденіе съ неба, вслѣдствіе брошенной имъ горсти песку, трехъ тысячъ ангеловъ и сражавшихся при Бедрѣ вмѣстѣ съ мусульманами противъ корейшитовъ (кор., сура III, 120) или актъ видѣнія Бога на разстояніи двухъ лу-

ковъ (кор., сура III, 9, 10, 11, 12 и 13), но отвергаютъ даже божественность происхожденія корана, считая создателемъ его самого Мухаммеда. Съ другой стороны, муштехиды и муршиды—противники новыхъ учений, сдѣлались еще ортодоксальнѣе: фанатики рутины, они ставятъ исповѣдуемые ими догматы, часто даже не основанные на коранѣ, выше пониманія разума, общая своимъ послѣдователямъ всѣ прелести чувственнаго рая за слѣпую вѣру, или грозя всѣми муками ада за вѣроотступничество, каковымъ они считаютъ всякое проявленіе свободной мысли. Это тѣ именно муштехиды, которые, стоя во главѣ оппозиціи новому движенію, смотрятъ на всякое нововведеніе или попытку улучшенія въ гражданскихъ условіяхъ жизни персіянъ, какъ на отступленіе отъ корана,—это тѣ муштехиды и муршиды, благодаря нетерпимости и фанатизму которыхъ Персія рано или поздно сдѣлается ареною кровавыхъ дѣйствій и междоусобныхъ столкновеній ¹⁰⁾.

Какъ же относится народъ къ религіознымъ спорамъ муштехидовъ и другихъ шіитскихъ духовныхъ главъ?

Вообще говоря, первоначальные отступленія отъ общаго смысла корана не настолько значительны, чтобы образовать расколъ; но страстность, съ которою муштехиды ведутъ споръ за правильное пониманіе тѣхъ или другихъ текстовъ корана или другихъ священныхъ книгъ, задѣтое самолюбіе, глухая борьба за первенство и желаніе быть признаннымъ авторитетомъ въ вопросахъ вѣры и права, дѣлитъ народъ на столько партій, сколько спорящихъ муштехидовъ, вокругъ которыхъ онъ группируется. Въ началѣ споръ, самъ по себѣ незначительный, постепенно обостряется и взаимныя пререканія между муштехидами, а равно обвиненіе другъ друга въ вѣроотступничествѣ и измѣнѣ корану, расширяетъ область сомнѣній и захватываетъ все большее и большее число подвергающихся критикѣ текстовъ его, что въ свою очередь, вызываетъ новыя толкованія и новыя отступленія, въ концѣ концовъ превращающія незначительныя партіи послѣдователей того или другого муштехида въ обособленную секту. Чтобы придать больше силы и достовѣрности своему ученію, каждый муштехидъ и окружающіе его ближайшіе послѣдователи и мюриды (ученики) обыкновенно указываютъ на пагубное вліяніе на мусульманскую религію толкованія и ученія своихъ противниковъ. Персіяне ничего не понимаютъ въ вопросахъ вѣры и религіи, но крайняя нищета, необеспеченность жизни и имущества, проистекающая отъ недостатка гражданствен-

¹⁰⁾ Персіяне говорятъ, что нынѣшній шахъ, Музаффаръ-Эддинъ, человекъ съ свѣтлымъ умомъ, понялъ опасность, грозящую Персіи, отъ внутреннихъ религіозныхъ споровъ, и слѣштитъ поэтому ввести цѣлый рядъ реформъ соціально-политическаго характера. Къ числу реформъ относится также какъ реорганизація существующихъ школъ, такъ и устройство новыхъ по образцу европейскихъ.

ности въ ученіи, ставшемъ руководящимъ началомъ во всѣхъ сферахъ жизни и дѣятельности людей, въ ученіи, въ которомъ вопросы вѣры суть въ то же время и вопросы права, отсутствіе законности и порядка въ странѣ, своеволіе хановъ и произволь чинowników—все это порождаетъ въ однихъ инстинктивное, а въ другихъ и сознательное недовольство всѣмъ окружающимъ, что вынуждаетъ ихъ смотрѣть на всякое вновь нарождающееся ученіе, какъ на таковое, которое можетъ въ чемъ либо измѣнить къ лучшему условія ихъ жизни, хотябы въ одаленномъ будущемъ. Такъ смотрятъ больные на всякое вновь прописываемое лекарство, мечтая получить отъ него исцѣленіе: всякое вновь возникшее ученіе, стремящееся внести въ жизнь миръ и согласіе, быстро находитъ среди персіянъ массу послѣдователей. Требуется только, что, впрочемъ, весьма естественно на востокѣ, чтобы ученіе это мотивировалось желаніемъ лучше угодить Богу, чтобы оно, хотя бы путемъ произвольныхъ толкованій, было санкціонировано текстами изъ корана или другихъ священныхъ книгъ. Обѣщанія прелестей чувственного рая не всегда дѣйствуютъ успѣшно въ смыслѣ необходимости примиренія съ страданіями земной жизни. Человѣческая личность и въ персіянѣ возмущается противъ гнета окружающихъ его примитивныхъ условій жизни и его фанатическаго духовенства. И переходъ персіянина отъ одного религіознаго ученія къ другому, лишь бы оно не противорѣчило его основнымъ воззрѣніямъ на религію, служить безмолвнымъ протестомъ противъ этого гнета и этого духовенства.

Вотъ почему въ Персіи люди чаще всего становятся послѣдователями того изъ спорящихъ муштехидовъ, кто своимъ ученіемъ стремится внести какое либо измѣненіе въ условіяхъ социальной и политической жизни и при этомъ наиболѣе страстно отстаиваетъ свои убѣжденія. Окружающіе муштехиды муллы и другіе поклонники его, неуступающіе по страстности своему духовному главѣ, довершаютъ остальное: становясь ревностными и убѣжденными прозелитами, они часто съ самоотверженіемъ распространяютъ воспринятое ими ученіе своего духовнаго главы. Новыя ученія, или старыя въ нѣсколько измѣненной формѣ, не остаются только въ тѣсныхъ границахъ своей родины и даже не въ предѣлахъ одной Персіи, а переносятся въ сосѣднія государства, въ которыхъ проживаютъ мусульмане-шіиты. Распространителями этихъ ученій внѣ предѣловъ Персіи бываютъ, обыкновенно, лица, отправляющіяся въ Персію за полученіемъ духовнаго образованія и возвращающіяся оттуда муллами, такъ же купцы, посѣщающіе Персію по дѣламъ торговымъ, и благочестивые, отправляющіяся въ Мешади ¹¹⁾ или Кербеле ¹²⁾ на поклоненіе святымъ мѣстамъ. Такъ явились въ Закавказскомъ краѣ секты:

¹¹⁾ Мѣсто, гдѣ находится гробница восьмого имама Рзы-ибнъ-Мусы-Кязума.

¹²⁾ Мѣсто, гдѣ убитъ имамъ Хусейнъ.

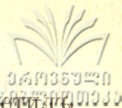
шейхи, гаджи-керимъ-ханы, али-аллахи и др. Относительно появленія Закавказскомъ краѣ бабидовъ дѣйствовало совершенно особое, исключительное условіе: желаніе найти безопасное отъ преслѣдованія ихъ персидскимъ правительствомъ убѣжище.

Шейхиди. Секта шейхи или шейхидовъ также не малочисленна въ Персіи. Ученіе ея въ основныхъ догматахъ совершенно тождественно съ ученіемъ усулидовъ. Сходясь въ главныхъ положеніяхъ, оно расходится въ вопросахъ второстепенныхъ, которымъ усулиди придають, однакожь, громадное значеніе. Начало секты было положено въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія нѣкимъ мудеррисомъ ¹³⁾ шейхъ-Ахмедомъ, изъ сел. Ляхси, магала Бахрейнъ, въ Аравіи. Усулиди считаютъ его отцомъ всѣхъ сектъ, возникшихъ въ шиизмѣ въ текущемъ столѣтіи. Снъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ проповѣдниковъ тариката въ лучшемъ значеніи слова и принадлежалъ къ школѣ суфійевъ—одной изъ мусульманскихъ религіозно-философскихъ школъ, ученіе которой проникнуто мистическимъ пантеизмомъ. Не внося никакихъ существенныхъ измѣненій въ культъ иснаашаридовъ, шейхъ-Ахмедъ положилъ въ основаніе своего ученія самоусовершенствованіе посредствомъ самоуглубленія и созерцанія божества въ его твореніяхъ. Названіе свое секта получила отъ слова шейхъ.

Главные пункты разногласія въ ученіяхъ усулидовъ и шейхидовъ заключаются въ слѣдующемъ:

1) Усулиди говорятъ, что ученіе корана могли вполне вѣрно понимать и правильно передавать народу только имамы, какъ боговдохновенные вожди ислама. Съ исчезновеніемъ же послѣдняго изъ имамовъ, Мухаммеда-мехти, некому стало правильно истолковывать коранъ, что муштехиды, не одаренные тою божественною силою пониманія, какою обладали имамы, хотя и объясняютъ коранъ, все же таки остается сомнѣніе относительно правильности толкованія ими многихъ мѣстъ, вообще непонятныхъ обыкновеннымъ смертнымъ, хотя бы то были ученые муштехиды или муршиды. Вслѣдствіе этого каждый духовный глава объясняетъ коранъ сообразно собственному своему пониманію его, причемъ каждый усулидъ воленъ выбирать для себя то именно толкованіе, которое наиболѣе соответствуетъ его личнымъ вкусамъ и прихотямъ. На это шейхиды возражаютъ, что такъ какъ духовныхъ главъ—муштехидовъ и муршидовъ—было и есть много, то одни и тѣ же тексты корана имѣють различныя, часто совершенно произвольныя толкованія, отчего многіе, путаясь въ цѣломъ рядѣ противорѣчивыхъ толкованій, вовсе не считаютъ для себя обязательнымъ руководствоваться ими при выполненіи правилъ шаріата. Такое отношеніе къ корану, говоритъ шейхъ-Ахмедъ, отнимаетъ отъ него ту святость и незыблимость, какія онъ долженъ

¹³⁾ Учитель арабскаго языка.

имѣть для истинно вѣрующихъ мусульманъ. Богъ, говоритъ онъ, запрещаетъ сомнѣваться въ заключающихся въ коранѣ истинахъ, какъ это выражено въ сурахъ X, LIII, и XLIX, что поэтому толкованіе должно быть одно, а слѣдовательно долженъ быть для всѣхъ одинъ муштехидъ. На этомъ основаніи, шейхиди подчиняются только тѣмъ толкованіямъ, которыя преподаетъ имъ послѣдній, живой муштехидъ. Этотъ послѣдній въ данное время муштехидъ долженъ, однакожъ, обладать такими умственными способностями и такою эрудиціею въ предметахъ богословскихъ, чтобы вполнѣ правильно понимать и толковать коранъ. Само собою разумѣется, что вновь избранный муштехидъ можетъ своимъ авторитетомъ подтвердить и толкованія своего предшественника, если онъ находитъ ихъ правильными.

Этотъ пунктъ спора, по мнѣнію усулидовъ, не выдерживаетъ критики; онъ не только страдаетъ отсутствіемъ основательныхъ аргументацій, но заключаетъ въ самомъ себѣ противорѣчіе. Если каждый послѣдующій муштехидъ, какъ бы ученъ ни былъ онъ, можетъ также толковать коранъ по собственному своему разумѣнію, то въ концѣ концовъ также окажется столько толкованій, сколько было муштехидовъ, хотя бы они существовали не одновременно, а слѣдовали одинъ за другимъ. Правда, обязательными считаются только толкованія послѣдняго, живого муштехиды, однакожъ, и толкованія его предшественниковъ не перестанутъ существовать, хотя бы онѣ и считались отвергнутыми: всегда найдутся такіе, которые либо сочтутъ для себя удобнѣе придерживаться толкованій предшествовавшихъ муштехидовъ, либо не будутъ согласны съ послѣдними толкованіями. Тутъ, кромѣ того, по мнѣнію усулидовъ, есть и практическая несообразность, повлекшая за собою непредусмотрѣнныя шейхъ-Ахмедомъ послѣдствія: всякій вновь избранный шейхидами муштехидъ, допустивъ иное толкованіе корана и не встрѣтивъ сопротивленія со стороны другихъ муштехидовъ, уходилъ дальше своего предшественника и сдѣлался главой новой секты. Въ этомъ ученіи шейхъ-Ахмеда, говорятъ усулиды, кроется основная причина образованія какъ самой секты шейхидовъ, такъ и возникновенія изъ нея полумусульманскихъ—полухристианскихъ сектъ бабидовъ и гаджи-керимъ-ханы съ развѣтвленіями на различные толки.

2) Шейхиди утверждаютъ, что Мухаммедъ и имамы, какъ вожди ислама, самимъ Богомъ назначенные, обладали способностью предвидѣнія или прорицанія, и что безъ этой способности Мухаммедъ не могъ бы быть пророкомъ, а имамы не могли бы быть имамами: въ этомъ ихъ главное и существенное отличіе отъ всѣхъ остальныхъ людей; они, напримѣръ, заранѣе могли безошибочно опредѣлить, родится ли въ данномъ случаѣ беременности женщины мальчикъ или дѣвочка, также какъ они могли заранѣе предсказать время наступленія изобилія хлѣба или голода. Нѣтъ, говорятъ усулиды, такую способность не обладали ни Мухаммедъ, ни имамы: имъ было только доступно

молить Аллаха, съ увѣренностью, что мольбы ихъ будутъ услышаны и просимое исполнено. Способность же предвидѣнія есть одинъ изъ атрибутовъ Высшаго Разума, Бога, а приписывать пророку и имамамъ такой же атрибутъ, значитъ приписывать имъ одинъ изъ атрибутовъ самаго Бога, что противорѣчитъ основной идеѣ корана.

3) Шейхиди признаютъ, на основаніи корана, что душа человѣка создана Богомъ и витала въ небесныхъ сферахъ задолго до появленія ея на землѣ, что во время акта рожденія душа нисходитъ въ этотъ міръ, чтобы облечься въ созданную для нея Богомъ матеріальную оболочку. Нѣтъ, говорятъ усулиди, на основаніи же корана, Богъ, правда, предопредѣлилъ жизнь человѣка, но ему не для чего прибѣгать къ двойному акту созиданія. Силою своего всемогущества, онъ даетъ жизнь праху, когда послѣдній находится еще въ зародышѣ, во чревѣ матери, то есть душа и тѣло, или весь, такъ сказать, духовно-физическій человѣкъ создается Богомъ одновременно, что душа безъ тѣла—ничто, такъ же какъ тѣло безъ души только ничтожный прахъ. Отсюда, по ученію усулидовъ, вытекаетъ вѣрованіе,

4) что души мусульманъ будутъ наслаждаться обѣщаннымъ пророкомъ раемъ въ тѣхъ же тѣлахъ, въ которыхъ они пребываютъ на землѣ. Такое міровоззрѣніе на загробную жизнь совершенно соотвѣтствуетъ представленію мусульманъ о свойствахърая: чувственно наслаждаться можно только будучи тѣлеснымъ. Другихъ, болѣе возвышенныхъ, чисто духовныхъ наслажденій мусульмане не признаютъ ни въ этой, ни въ загробной жизни. Соотвѣтственно своему міровоззрѣнію на душу человѣческую, шейхиди отвергаютъ такое вѣрованіе усулидовъ, они говорятъ, что душа можетъ жить самостоятельную жизнью, что она въ раю будетъ, правда, имѣть вмѣстилищемъ тѣло, но тѣло очищенное, подобно тому, какъ очищаютъ камень, когда его хотятъ сдѣлать прозрачнымъ какъ стекло. Сохраняя всѣ физическія свойства, необходимыя, чтобы наслаждаться чувственно, организмъ будетъ лишентъ всѣхъ другихъ физиологическихъ отравленій, какія ему присущи во время земной жизни.

Это послѣднее воззрѣніе также матеріалистично, но оно, по крайней мѣрѣ, приписываетъ душѣ, такъ сказать, полунезависимое отъ тѣла существованіе. Неясный дуализмъ шейхъ-Ахмеда послужилъ, какъ увидимъ ниже, для муштехида Гаджи-Мамедъ-хана, ступенью къ чисто спиритуалистическому ученію о загробной жизни: послѣдній признаетъ безсмертіе только за душою.

Споръ между шейхидами и усулидами вращается, главнымъ образомъ, около приведенныхъ пунктовъ, имѣющихъ по своему значенію чисто схоластическій характеръ и напоминаетъ собою бесплодный споръ средневѣковыхъ метафизиковъ о номинализмѣ и реализмѣ. Другіе пункты разногласія, имѣющіе предметомъ исполненія на практикѣ правилъ шаріата, не столь важны, какъ, напримѣръ, ученіе о томъ, какъ долженъ мусульманинъ иснаашаридъ совершать намазъ въ мечети, дома и въ пути, какое онъ долженъ принимать положеніе во время намаза, какъ долженъ держать себя мулла въ мечети во

время богослуженія и внѣ богослуженія и внѣ мечети—въ своей частной жизни и т. п. По ученію, преподаванному шейхъ-Ахмедомъ своимъ послѣдователямъ и подтвержденному послѣдующими духовными главами секты, мулла долженъ непременно обладать образовательнымъ цензомъ¹⁴⁾, его обязанность не только исполнять духовныя требы, но и учить народъ, онъ долженъ быть безупречнаго поведенія и своею нравственною жизнью служить примѣромъ для своей паствы.

У шейхъ-Ахмеда Бахрейни, положившаго начало сектѣ шейхидовъ, было 4 ученика: Гаджи-Мирза-Шафи изъ Тавриза, Молла-Багиръ также изъ Тавриза, Гаджи-сеидъ-Кязумъ изъ Решта и Гаджи-Керимъ-ханъ изъ Керманы. Муршидомъ вмѣсто умершаго шейхъ-Ахмеда избранъ былъ Гаджи-сеидъ-Кязумъ. Послѣдній, поселившись въ Кербеле, также сдѣлался, по примѣру своего учителя, ревностнымъ проповѣдникомъ тариката: онъ ничего не прибавилъ къ ученію шейхъ-Ахмеда и избѣгалъ дальнѣйшихъ споровъ съ противниками этого ученія; онъ старался, насколько это было возможно, безъ нарушенія религіозныхъ интересовъ обѣихъ спорящихъ сектъ, примирять разногласія въ ученіяхъ на почвѣ чистаго разума. Эклектическій характеръ его религіозныхъ бесѣдъ создалъ ему популярность не только среди шейхидовъ, но и среди усулидовъ, успѣвшихъ уже примириться съ существованіемъ новаго ученія; его кроткій, благородный нравъ, вѣжливость въ обращеніи съ непринужденными къ числу шейхидовъ и скромный образъ жизни подкупили и многихъ изъ персидской знати, также сдѣлавшихся тайными приверженцами ученія шейхъ-Ахмеда. Въ сороковыхъ годахъ умеръ и Гаджи-сеидъ-Кязумъ, вмѣсто котораго муршидомъ былъ избранъ ученикъ его, Мирза-Али-Мухаммедъ, прозванный впослѣдствіи Бабомъ¹⁵⁾. Уклонившись отъ ученія учителей своихъ, шейхъ-Ахмеда и сеидъ-Кязума, Мирза-Али Мухаммедъ сталъ главою основанной имъ секты бабидовъ. Съ этого времени число шейхидовъ въ Персіи начинаетъ понемногу уменьшаться: одни приняли ученіе Баба, другіе, оставшись безъ главы, вернулись въ лоно чистаго шиизма—къ усули, третьи, наконецъ, обратились къ ученію Гаджи-Керимъ-хана, ученію, служащему дополненіемъ къ ученію шейхъ-Ахмеда и дальнѣйшимъ развитіемъ его идей.

I. Сечаль.

(Продолженіе будетъ).

¹⁴⁾ Между прочимъ замѣчу, что среди большей части городскихъ и сельскихъ муллъ, все познаніе которыхъ заключается въ исполненіи нѣкоторыхъ духовныхъ требъ, муллы-шейхиди, никѣмъ не признанные, безъ права сдѣлаться штатными муллами, производятъ впечатлѣніе людей умственно развитыхъ, познанія которыхъ не ограниваются однимъ кораномъ.

¹⁵⁾ Бабъ по-арабски дверь, что означаетъ на мистическомъ языкѣ суфіевъ—дверь къ истинѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Н О В Ы Я К Н И Г И:

1) *Бесѣды, поученія, слова и рѣчи прееосвященнаго Николая, епископа Таврическаго и Симферопольскаго* (1899—1901 г.)—Симферополь. 1902 г.—Цѣна 1 рубль.

Изданіе этой книги, въ количествѣ 1500 экземпляровъ, пожертвовано Его Преосвященствомъ въ распоряженіе правленія Таврической духовной семинаріи—съ тѣмъ, чтобы всѣ вырученныя отъ продажъ деньги были употреблены на приобрѣтеніе церковныхъ сосудовъ и утвари для новостроющейся при семинаріи церкви.

2) *Американскія проповѣди, съ приложеніемъ пяти посланій, прееосвященнаго Николая, епископа Таврическаго и Симферопольскаго.* Выпускъ третій. Симферополь. 1902 г.—Цѣна 75 коп.

Съ требованіями обращаться въ редакцію Таврическихъ «Епархіальныхъ Вѣдомостей», въ г. Симферополь.

Тамъ же можно получать прежнія изданія того же автора:

- 1) *Проповѣди.* 1897 г. Нью-Йоркъ.
- 2) *Тридцать рѣчей и три посланія.* Ц. 75 к.
- 3) *Нѣсколько поученій и рѣчей,* сказанныхъ во время служенія въ семинаріяхъ Рязанской, Могилевской и Тифлисской. Ц. 75 к.

Цѣны обозначены съ пересылкою: Братствамъ и книжнымъ складамъ уступка по соглашенію.

Содержаніе № 6. *Часть оффиціальная:* Высочайшія награды. Разъяснительныя постановленія Святѣйшаго Синода. Распоряженія Грузинскаго Епархіальнаго Начальства. *Часть неоффиціальная:* Бесѣда въ семинарскомъ храмѣ послѣ воскресной вечерни въ недѣлю Православія—А. Н. Поученіе по выносѣ Креста Господня на всеобщемъ бдѣніи въ Крестопоклонную недѣлю—А. Н. Рѣчь предъ молебствіемъ 19 февраля 1903 г.—протоіерея І. Восторгова. Чествованіе прихожанами своего пастыря—священника А. Разумовскаго. Къ кончинѣ свящ. А. Триандофилова—протоіерея В. Гофмана. Къ вопросамъ нашей церковной школы—священника И. Шубладзе. Многострадальнѣй Іовъ—Н. Покровскаго. Но слѣдуетъ повѣдать и о началѣ и причинахъ сего удивительнаго произшествія, такъ какъ этого желаетъ большинство—Θ. Жорданія. Мусульманскія секты въ Персіи и Закавказскомъ краѣ—І. Сегали. Объявленіе.

Редакторъ, Протоіерей *І. Восторговъ.*

Печатать дозволяется. Тифл., 26 марта 1903 года., Цензоръ протоіер.

Евставій Елевъ.

Типографія Е. И. Хеладае, Русскій базаръ, д. Армянской Духовн. Семин.